

ДЖО ХИЛЛ

18+

ЦАРЬ СКОРБЬ

КАЖДЫЙ ГОД НОВАЯ ЖЕРТВА

FANZON

Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов

Джо Хилл
Царь Скорбь

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Хилл Д.

Царь Скорбь / Д. Хилл — «Эксмо», 2025 — (Fanzon. Джо Хилл. Принц ужасов)

ISBN 978-5-04-252877-4

После десятилетнего перерыва Джо Хилл возвращается с произведением, которое навсегда изменит жанр хоррора! Артур Оукс — книголюб и мечтатель, студент колледжа Рэкхем в штате Мэн, известного своей превосходной библиотекой и изящными зданиями кампуса. Но идиллия — как и зарождающийся роман — рушится, когда преступники вынуждают Артура совершить одно из самых страшных злодеяний, какие он только может себе представить: украсть редкие книги из университетской библиотеки. Оказавшись в отчаянном положении, молодой человек обращается за поддержкой и помощью к своим ближайшим друзьям-неудачникам. Вместе они придумывают безумный, фантастический план. Богатый и неукротимый Колин Рен предлагает использовать магический ритуал из зловещего дневника Крейна (на переплет которого пошла кожа его автора), чтобы призвать и подчинить своей воле могущественное существо из иного мира — дракона по имени Царь Скорбь. Остальные — смелая и прекрасная Элли Шайнер, враждующие близнецы Донна и Донован Макбрайд, а также умная и решительная Гвен Плебс — без колебаний присоединяются к Колину в попытке разрушить саму реальность и привести в наш мир столь невозможного союзника. Но иметь дело с драконом оказывается далеко не просто, и их соглашение ради спасения Артура превращается в фаустовскую сделку, в которой шестеро друзей должны каждый год выбирать для монстра новую жертву — иначе сами станут будут уничтожены им. Номинации на премии: Премия Брэма Стокера, список рекомендованного чтения от Американской библиотечной ассоциации, «Локус». «Джо Хилл триумфально возвращается к жизни с масштабным хоррор-блокбастером нового века». — Алан Мур «Монстр среди книг — захватывающий и коварно притягательный, как и его заглавный герой. Ни одной лишней страницы на всем его чешуйчатом протяжении: от человеческой жестокости

до дьявольских заговоров, от безрассудства обладания властью до отчаянного поиска искупления. Масштабный, огнедышащий, неумолимый шедевр». — Ник Харкуэй «Эпично! Это лучшая и самая амбициозная книга автора на сегодняшний день. Драконы из "Игры престолов" по сравнению с чудовищем Джо Хилла — просто ящерки». — Линвуд Баркли «Переходя от зловещей сказки к масштабному хоррор-триллеру, этот роман становится мощным, насыщенным и абсолютно неотразимым. Это и безумное приключение, и тонкое исследование власти и коррупции. После него вы уже никогда не будете смотреть на драконов так, как раньше, и будете искренне надеяться, что ни один из них не обратит на вас внимание». — Тананарив Дью «Дерзкое переосмысление фаустовской сделки грандиозного масштаба. Зловещий голос Царя Скорбь пронизывает страницы так же, как и голос самого Джо Хилла, заставляя читать без остановки — и все равно хотеть еще». — Томас Олд Хьювелт «Автор идет по канату между хоррором и фэнтези с изяществом и целенаправленностью. Это история, наполненная ужасом и надеждой». — Робин Хобб «Эпос, который не отпускает и даже после финальной страницы, одновременно вневременной и удивительно актуальный. Хилл соединяет все: ужаса, юмор и душевную драму. Мощный и вдумчивый *tour de force*, доказывающий, что Джо Хилл — один из великих рассказчиков нашего поколения». — Майкл Корита «Мудрый, яростный и изобретательный роман-головоломка: фэнтезийный хоррор, полный нежности, юмора и изящества. Джо Хилл создал нечто абсолютно уникальное. "Ослепительный" — слишком слабое слово. Это чистое и большое удовольствие от чтения».

— Кит Россон «Когда говорят о "прирожденных рассказчиках", имеют в виду Джо Хилла». — Джон Скальци «Роман описывает культурные и исторические ужасы последних сорока лет через историю крутого дракона и группы друзей, которые знают друг друга слишком хорошо. Это масштабный эпос и болезненно интимная история. Человечная и ужасающая». — Пол Тремблей «Страшный, романтичный, безумный, дикий, абсурдный — и, конечно, смешной роман. Безудержное путешествие, которое не сбавляет темп ни на секунду, и для такого объемного романа это настоящее чудо. Я не знаю, как Хилл это делает. Знаю только, что надеюсь никогда не встретить Царя Скорбь — он подарил мне несколько кошмаров и выглядит так, будто способен выбраться из книги прямо к тебе в дом». — Вилли Влаутин «Блестящая фаустовская притча с сердцем, огромным как драконье, и жальщим поворотом в финале». — Рут Уэйр «Автор мастерски удерживает напряжение на протяжении всего этого масштабного, захватывающего хоррор-романа: безупречно прописанные персонажи и точные дозы черного юмора лишь усиливают эффект. Книга в очередной раз подтверждает его статус титана жанра». — Publishers Weekly «Впечатляюще четкий по темпу, сосредоточенный на персонажах эпос, пронизанный неослабевающим чувством тревоги, которое со временем нарастает до чистого ужаса,

как нельзя лучше попадает в дух времени. Столкнув цифровую эпоху с фольклорной традицией, роман всерьез размышляет о цене власти. Но настоящий ужас в том, что драконов хватит на всех». — Booklist «Здесь нет ни минуты затишья: несмотря на внушительный объем, история полна неожиданных поворотов... То пугающая, то смешная, с долей профессионального "закулисья" и количеством крови, которого хватило бы на целый бассейн». — Kirkus Reviews «Одно из главных хоррор-событий года». — Parade

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-252877-4

© Хилл Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Книга первая. Терновники. 1989 год	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	55
Глава 13	57
Глава 14	60
Глава 15	62
Глава 16	65
Глава 17	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джо Хилл
Царь Скорбь

Joe Hill

KING SORROW

Copyright © 2025 by Joe Hill.

All rights reserved

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers

Jacket design and illustration by *Alan Dingman*

Author photograph by *Chad Luibl*

Перевод *Дмитрия Старкова*

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Джиллиан
Джиллиан, любви моей
Тысячу раз – Джиллиан*

HC SVNT DRACONES¹

¹ «Здесь водятся драконы» (лат.) – пометка на древних географических картах. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Книга первая. Терновники. 1989 год

Глава 1

В первые же сентябрьские выходные Артур Оукс поехал на запад, навестить мать в исправительно-трудовой. Ехать ему предстояло больше двух сотен миль, через южную половину Мэна, затем сквозь «дымовую трубу» Нью-Гэмпшира и далее, в Вермонт, а завершался путь, как обычно, вереницей машин, дожидавшихся очереди к воротам двенадцати футов в высоту, затянутым поверху колючей проволокой.

Трехэтажный блок из тесаного песчаника, с узкими щелями вместо окон, исправительно-трудовая колония всякий раз казалась Артуру очень похожей на среднюю школу. Сбавив ход, он остановился за «Фордом Ранчеро», исторгавшим из выхлопной трубы клубы густого, маслянисто-черного дыма. Нашлепка на заднем бампере гласила: «ЗАДАРОМ НЕ КАТАЮ – ТРАВКА, БЕНЗИН ИЛИ ГОТОВЬ ВАЗЕЛИН». Вот, вот нашлепка на бампер, достойная уважения! «Фольксваген» Артура, «Кролик»², перешел к нему от матери, и на нем тоже имелись наклейки... целая уйма: мать ни единому квадратному дюйму кормы не позволила пропасть даром. Одна вопрошала: «СЛЕДУЕШЬ ЛИ ТЫ СТОЛЬ ЖЕ БЛИЗКО И ЗА ИИСУСОМ?» Другая, с портретом Ганди, утверждала: «ОКО ЗА ОКО – ТАК МЫ ВЕСЬ МИР ОСЛЕПИМ». За что мать вправду следовало посадить под замок, так это за преступное издевательство над собственной машиной. Знала б она, каково ему парковать унаследованный от нее «христомобиль» среди кучи тачек, наверняка не раз уносивших хозяев от копов...

Если снаружи женская исправительно-трудовая колония «Блэк Крикет» здорово походила на большую общественную среднюю школу, то ее холл напоминал скорее тесный приемный покой какого-нибудь травмпункта. Люминесцентные лампы, жужжавшие под потолком, озаряли холл скудным, гнетущим светом, телевизор в углу бормотал, мерцал, показывая что-то из обычной дневной говорильни.

В конторском кресле на роликах за исцарапанным, грязным окошком восседала, точно пилот, кряжистая, стриженная по-мужски дежурная надзирательница. Войдя внутрь, Артур занял очередь за парой лет двадцати пяти и девчонкой годами шестью-семью младше. Мощные, точно печные трубы, ноги парня туго обтягивали черные джинсы, черную футболку без рукавов украшала эмблема «Харлея», а голову он повязал банданой. Остроту черт костлявого, узкого лица прислонившейся к нему спутницы не смягчали даже румяна с нежной, жвачечно-розовой губной помадой. Девчонка стояла рядом, опустив голову так, что немые соломенно-желтые волосы закрыли лицо целиком. Ее костюм состоял из чересчур короткой, оставлявшей обнаженным живот футболки «Ганз-н-Роузес», а вылинявшие от отбеливателя джинсы сползли книзу, выставив напоказ верхнюю кромку глянцевого-черных стрингов. Почувствовавший, что замечать подобные вещи не слишком прилично, Артур отвел взгляд.

– В этой футболке ей туда нельзя, – указав на девчонку, объявила надзирательница за окошком.

Девчонка, изогнув шею, оглядела футболку «Г-н-Р», будто в поисках каких-нибудь неприличных пятен, и Артур, едва не вздрогнув, понял, что знает ее... знает, но не по имени – по профессии. Работала она доставщицей на дом пиццы из пиццерии «Заткнись и Жри», что в Подомаквасси, а заодно, если знаешь, что заказывать, могла привезти и разной дури. Донован Макбрайд, сосед Артура по комнате, знал, и эта девчонка появлялась в их общей резиденции

² Прозвище первого варианта «Фольксваген Гольф» в американском исполнении.

за пределами кампуса раз-другой в месяц, привозя Вану колбасный пирог с пакетиком травы. По разумению Артура, из-за нее половина кампуса подседа на траву и страдала несварением.

– А что с ней не так-то? – спросила девчонка из пиццерии.

– Упоминания об огнестрельном оружии запрещены. Прикройте чем-нибудь или снимите.

– А ты б с удовольствием поглядела, а? – С этими словами старшая из сестер, ухватив доставщицу пиццы за голову, безжалостно сжала ее грудь. – Гляди, гляди, какие дыньки у нашей Таны!

Тана, взвизгнув, высвободилась из ее хватки.

Дежурная надзирательница устало отвела взгляд.

– Правила – вон, на стене.

– Это ж с концерта футболка, – возразила Тана, потирая грудь.

– С концерта, не с концерта, пара скрещенных пистолетов – вот, налицо. А одежда с изображениями наркотиков, оружия и непристойными надписями у нас, в исправительно-трудовой колонии, запрещена. Вольпе, Найсуондер, вы можете проходить. Вашей сестре придется остаться здесь.

Умолкнув, надзирательница кивком указала на двустворчатые двери по левую руку от окна.

– Слышь, ты, корова жирная, моя сестра с нами пойдет, – возразила старшая из сестер.

– Что-что? – переспросила надзирательница, склонив голову набок и повернувшись ухом к оконцу.

«А что, может, и правда не расслышала», – подумалось Артуру.

– Джейн, – вмешалась в разговор Тана, – я и в пикапе подожду. Нельзя, ну и ладно. А вы с Ронни идите к маме. Не надо тебе...

– А ты помолчи! «Не надо»! Мы только из-за тебя и приехали, – оборвала ее Джейн Найсуондер и вновь повернулась к надзирательнице: – Мне нынче в шесть утра, будь оно проклято, подниматься пришлось и Тану сюда везти, чтоб сама матери свою очередную дурь объяснила, а ты ее собираешься заставить отсиживаться в машине только потому, что тебе футболка ее не по нраву?

Надзирательница, поднявшись со стула, накрыла ладонью рукоять тефлоновой дубинки у пояса.

– Хочешь мать навестить, так давай, болтай дальше, – процедила она. – Может, у нас и камера как раз с ней по соседству найдется.

– В шесть утра! – продолжала Джейн. – Три часа езды... и теперь мне еще бодаться с этой фашистской ко...

– Пускай мою кенгурушку возьмет, – вмешался Артур, прежде чем она успела назвать надзирательницу «коблой» и получить дубинкой по продолговатой, слегка заостренной кверху голове.

Впрочем, в их перебранку он встрял не из-за нее – из-за девчонки, Таны. Зажмурившись, опустив подбородок к груди, сгорбившись, будто испуганная ссорой отца с матерью, Тана вдруг превратилась из девчонки лет восемнадцати-девятнадцати в оцепеневшую от ужаса девятилетку, и этого Артур выдержать молча не смог.

Джейн Найсуондер оглядела Артура с головы до ног. Череды чувств, промелькнувших в ее водянисто-голубых глазах, Артур толком не разобрал: нечто вроде любопытства, мгновенный холодный расчет, искорка веселья, и на этом, пожалуй, все.

Устрашающе побагровевшая, надзирательница слегка успокоилась и опустилась на стул.

– Пока я не вижу пистолетов, не вижу и проблем.

Артур, вжикнув молнией, сбросил с плеч кенгурушку. Прежде принадлежавшая матери, кенгурушка словно бы до сих пор пахла ею – церковью, старыми сборниками гимнов и сосно-

выми скамьями. Принт на спине изображал лицо Стивена Бико³, выглядывающего наружу из контура Африки.

Поблагодарить Тана Найсуондер даже не подумала. Натянула кенгурушку, не поднимая головы, и на Артура даже не поглядела.

– О! Эдди Мерфи! – с хрипотцой заядлого курильщика воскликнул дружок Джейн, Ронни Вольпе, взглянув на принт. – Люблю его, ублюдка безбашенного!

Надзирательница ткнула в сторону дверей большим пальцем.

– Проходим! Следующий.

Пока троица шла к дверям, Джейн Найсуондер, оглянувшись назад, одарила Артура хищной улыбкой.

– Шикозно! Достоинно белого человека, кореш! – Пожалуй, ничего смешнее – принт-то на кенгурушке против апартеида – она бы сказать не смогла. – Придется нам как-нибудь отплатить тебе добром за добро!

С этим она втолкнула Вольпе с сестрой в двери, и все трое скрылись из виду.

Надзирательница за плексигласовым окошком, поджав губы, неодобрительно покачала головой.

– Я приехал повидаться с матерью, доктором Эрин Оукс, – сообщил ей Артур.

Надзирательница подтолкнула к нему планшетку с бланком.

– Да уж знаю я, с кем ты повидаться приехал. К этой святой матушке. Распишись вот тут... недоумок.

Последнее слово она пробормотала себе под нос, но Артур его разобрал. Разобрал и тут же задумался, уж не ослышался ли.

– Что?

– Ты на кой это сделал? – с искренним недовольством, даже с обидой в голосе осведомилась надзирательница. – На кой не в свое дело полез?

– Ну... даже не знаю, – признался Артур. – Просто помочь решил. Мама наверняка поступила бы так же.

– Приятель, – вздохнула надзирательница, – думаешь, твоя матушка угодила бы к нам, если б во всем вот такой распрекрасной была?

³ Стивен Банту Бико – известный борец за права чернокожих южноафриканцев; считается основателем движения «черного самосознания». Внешне действительно несколько похож на известного американского актера Эдди Мерфи.

Глава 2

В зале для свиданий с родными имелось около полдюжины столов из нержавеющей стали, накрепко прикрученных к липкому кафелю пола. Заметив Найсуондеров за соседним столом разве что краем глаза, Артур уселся на обычное место. Мать его – гибкую, непринужденную, короткостриженую, в синей тюремной робе – впустили в зал одной из первых.

Усевшись напротив, Эрин Оукс поцеловала кончик указательного пальца и коснулась им пальца Артура. Физические контакты в зале свиданий не допускались, но надзирательницы, если что-либо и заметили, замечаний им делать не стали.

– Скучала я по тебе все лето, – призналась мать. – Как там Старая Добрая?

– Старая Добрая – единственная страна в мире, где одной из пяти основных групп продуктов питания считается колбасный фарш «Спам», – ответил Артур.

Летние месяцы он проводил в Великобритании, у родни отца. Отец пребывал там же, в Кенте. Последний приют его украшал самый новенький мраморный монумент на кладбище, полном замшелых, покосившихся могильных камней четырехсотлетней давности.

– Чем развлекался?

– Как-то провел полдня в Британской библиотеке за поисками иллюстрированных рукописей. Пожалуй, в этом триместре буду писать о них в рамках курса «Книга как объект».

– А я-то надеялась, что ты отшпилил какую-нибудь рыжую шотландскую барменшу так, что она из клетчатых гетр выскочила, а потом угодил под арест, протестуя против преступной некомпетентности Маргарет Тэтчер! Ну, ничего. Вот в Магдалинский⁴ поступишь, уж там-то грудастые официантки, наверное, от тебя не уйдут.

– В Магдалинский еще поступить надо, – ответил Артур.

Сам он старался увиливать даже от разговоров о нем, о колледже, где отец получил степень магистра в области английской литературы. Еще подростком Артур делал домашние задания под остекленным, в рамке, портретом К. С. Льюиса и пробовал носить твид. Мрачные то были дни. Мрачные.

– Вдобавок, пока ты здесь, я все равно никуда не уеду, – добавил он.

– Февраль не за горами, – напомнила ему мать.

– Февраль, – повторил Артур.

В феврале суд должен был рассмотреть ее первое ходатайство об условно-досрочном освобождении. После этого мать узнает, выпустят ли ее раньше срока, а вскоре и он, Артур, выяснит, хотят ли его видеть в Оксфорде.

– Ну, а у тебя как лето прошло? Заточкой в тюремном двореке кого-нибудь запорола? – поинтересовался он.

– Нет, зато организовала книжный клуб! Как раз вчера за первую книгу голосовали.

– О как! И какая же книжка выиграла? «Как приобретать друзей и оказывать влияние на комиссию по условно-досрочному»? «Как устроить побег: десять несложных уроков»?

– Я предложила «Капиталистический патриархат и доводы в пользу социалистического феминизма»...

– Наверняка она и набрала кучу голосов?

– ...но меня задвинули в пользу «Голливудских жен» Джекки Коллинз. Ну и славно. Уже есть с чем работать. Возможность поговорить о том, как культура лишает женщин личной индивидуальности, тоже недешево стоит. Тема – женщины, характеризующиеся брачными союзами, а не собственными характерами и идеями, – определена уже самим названием.

– Думаешь, их именно это в Джекки Коллинз и привлекло?

⁴ Имеется в виду колледж св. Магдалины, входящий в состав Оксфордского университета.

– Не-а. Привлекло их то, что это самая похабная из книг в тюремной библиотеке, – ответила мать и понизила голос до глумливого шепота: – Три экземпляра по рукам ходят, и от всех трех липкими труселями несет за полмили.

– Вот же зараза, – процедил Артур. – Хотя да, кстати! Тут мой портрет в газету попал. Они там делали обзор ряда редких книг из школьной библиотеки и упомянули меня.

За последний год учебы в колледже Рэкхема Артур был назначен старшим над студентами-библиотекарями и получил поручение составить цифровой реестр книг из собрания редкостей, скопировав данные на огромные гибкие диски с помощью нового библиотечного компьютера. Этакая электронная картотека будущего предоставила «Подомаквасси рекорд» прекрасный повод разразиться высокопарной статьей о самых любопытных экспонатах, хранящихся в особом фонде, – о письме от Уолта Уитмена, об одной из ранних машинописных редакций «Нашего городка»⁵ и, разумеется, как же без этого, о дневнике Еноха Крейна. Чтоб кто-нибудь, затеяв писать статью об особом фонде библиотеки колледжа Рэкхема, не упомянул о Енохе Крейне? Вот уж дудки!

Приподнявшись со стула, Артур похлопал по карманам... и снова сел.

– Вот же зараза, – с досадой повторил он. – Должно быть, в машине забыл.

– По-моему, если один из нас попал в газету, причем не в рубрику полицейских сводок, это просто чудесно! Я так горда моим мальчиком!

Тут за спиной звучно откашлились. Оглянувшись, Артур обнаружил позади Джейн Найсуондер вместе с сестрой. Зачем Джейн придерживала Тану за загривок – в знак утешения или же не позволяя сбежать – об этом оставалось только догадываться.

– Прошу прощения. Доктор Оукс, так ведь? Вроде как из политических заключенных, если не ошибаюсь? Осужденная, так сказать, за осуждающие взгляды? – заговорила Джейн и тут же рассмеялась над остроумием собственного каламбура.

– Я осуждена за незаконное проникновение на охраняемую территорию и нанесение ущерба государственной собственности.

– И за непредумышленное убийство.

Эрин взглянула в сторону Таны и вновь перевела взгляд на Джейн. Тана вновь прятала лицо под прямыми прядями светлых волос. Ронни Вольпе с матерью Таны взирали на обеих из-за соседнего стола. Найсуондер-старшая оказалась крохотной женщиной с осунувшимся, изможденным лицом и какими-то бесцветными – не поймешь, то ли от природы светлыми, то ли поседевшими – волосами.

– Да, при этом погиб человек, – подтвердила Эрин. – Увы, без несчастного случая не обошлось, хоть мы и пришли без оружия, в духе непротивления злу насилием. Один из охранников не справился с пистолетом и подстрелил сам себя.

– А вас угораздило оказаться рядом?

– Чтобы перевязать рану.

– А он, значит, все равно умер, так? И вам даже в голову не приходило, что просто смыться было бы куда выгодней?

– Отчего же, приходило. Не раз. Но тогда я угодила бы в другую тюрьму. В тюрьму духовного толка.

Джейн погрозила ей пальцем:

– Ага, ага! Вот мы и подошли к сути. Вам вовсе не хотелось, чтоб кто-нибудь пострадал. Однако вломиться в государственное учреждение решили вы, и человек погиб из-за вас.

– Прошу прощения, – вмешался Артур, – но, если вы не против, нам с матерью хотелось бы спокойно поговорить.

⁵ Пьеса известного американского прозаика и драматурга Торнтон Уайлдера, написанная в 1938 г. и в том же году удостоенная Пулитцеровской премии.

– А вы ж еще какой-то священницей были, ага? – словно не заметив его, продолжала Джейн. – Или профессоршей?

– Преподавала прикладную этику и богословие в Дартмуте. А еще я – пастор конгрегационалистской церкви.

– Так вас не лишили сана за убийство по неосторожности?

– До этого у них руки еще не дошли, – пояснила мать Артура, сощурившись и натянуто улыбнувшись Тане. – Что с тобой, милая? Замечательная у тебя кенгурушка с Бико. У меня есть точно такая же.

– Это и есть твоя кенгурушка, – сообщил ей Артур.

Казалось, он разговаривает с самим собой: никто даже не взглянул в его сторону.

– С ней все прекрасно, – ответила Джейн. – Ну, раз уж вы этику преподавали, стало быть, разобраться кое в чем нам поможете запросто. Вот вы нацелились сделать доброе дело, только пока врывались, куда нацелились, случилась заминка, и какому-то бедолаге все это вышло боком. Вы ничего подобного не хотели, да, но все равно помер-то он из-за вас.

– По-моему, так и есть. Выбирая курс действий, принимаешь на себя ответственность за все последствия – и ожидаемые, и неожиданные.

– Вот. Слышала? – процедила Джейн, склонив голову так, чтоб взглянуть в глаза Таны. – Слышала? Вот тебе мнение культурного, разумного человека. Прямо здесь. Сию минуту.

Тана вскинула голову, гневно воззрилась на Эрин. Покрасневшие глаза ее влажно блестели от слез.

– В задницу все это, – буркнула она. – И ее в задницу, и вас всех. Я к машине.

Освободившись от хватки сестры, она двинулась к выходу. Стоило ей поравняться с матерью, Найсуондер-старшая ловко пнула дочь под коленку.

Левая нога Таны подогнулась, и девочка рухнула на пол позади стола. Дежурный надзиратель, стоявший всего в паре ярдов от них, таращился в экран телевизора, подвешенного на кронштейне под потолком в углу зала, и ничего не заметил.

– Ты мою дурь спалила, сучий ты выкидыш! – завопила мать Таны, поднимаясь со стула. – Ниче, я из тебя все, все до последнего цента вытрясу! Пускай Джейн хоть хобо⁶ тебя продает по десятке за перепих! – С этими словами она швырнула в голову дочери картонный стаканчик кофе, который держала в руке. – На, пей! Пей, тварь ненасытная!

Как Артур поднялся на ноги, самому ему не запомнилось. Казалось, он просто вдруг очутился между обеими. Подобного рода прыжки сквозь время нередко совершаешь во сне, но чтоб наяву – такого он за собой не замечал еще ни разу.

Чтоб помочь Тане подняться с пола, к матери Таны пришлось повернуться спиной. Почувствовав, что мамаша Найсуондер поднимается со стула, он выставил за спину поднятую ладонь, точно полицейский, останавливающий движение. Нет, ничего дурного в виду не имел. Другой рукой потянулся к Тане, за локоть ее подхватил.

– Отцепись на хер! – прошипела Тана и оттолкнула его прочь.

Внезапный толчок заставил Артура пошатнуться, вывел из равновесия, и основание его ладони, обращенной назад, угодило мамаше Найсуондер прямо в лицо. От удара старшая из соседок запрокинула голову и, подсеченная под колени стулом, не устояла на ногах. Разумеется, стул, как и столы, привинченный к полу, даже не покачнулся, и мамаша Найсуондер, кувыркнувшись через невысокую спинку, рухнула навзничь.

– Бой доз! – вскричала она. Действительно, из ее узких ноздрей хлынула кровь... а сам нос – небольшой, заостренный, костлявый – пугающе, настораживающе изогнулся крючком. – Ты... ублюдок хденов!

⁶ Американское просторечное название для бездомных бродяг.

Вскочив на ноги, Найсуондер-старшая прыгнула к Артуру, но, прежде чем ей удалось вцепиться в его горло, один из надзирателей сгреб ее в охапку и оторвал от пола. Джейн, оттолкнув Артура в сторону, вцепилась в плечо Таны что было сил. Под ее яростным взглядом Артур едва не вздрогнул.

– Че суешься? Просили тебя?!

Надзиратель, удерживая беспомощно брыкающуюся мамашу Найсуондер на весу, попятился к выходу. Оттуда, из-за двери в дальнем углу зала, к нему на помощь уже спешили еще два надзирателя. Один из них ухватил мамашу Найсуондер за ноги, и оба поволокли ее к порогу, точно пара грузчиков – скатанный в рулон половик. Третий надзиратель выхватил из чехла дубинку с фонарем и принялся колотить ею по чугунному радиатору отопления.

– Внимание, заключенные! Вдоль дальней стены – стройсь! Живо! Свидания закончены! Посетители – на выход!

Мамаша Найсуондер забилась что было сил, выгнулась в бедрах, вырываясь из рук надзирателей, взвыла, но ее яростный вой оборвала захлопнувшаяся дверь. Мать Артура неторопливо побрела к дальней стене вместе с прочими заключенными, а на ходу поцеловала кончик пальца и, улыбнувшись с усталым смирением, указала им в сторону сына.

Джейн Найсуондер, ругаясь на чем свет стоит, погнала сестру к выходу. Ронни, последовавший за ними, на ходу подмигнул Артуру:

– Умеешь ты с дамами, кореш! Мне-то их даже в самые лучшие времена больше чем двух так достать не удавалось, а у тебя тут, вишь, полный набор!

Еще битых сорок минут Артур проторчал в приемной, заполняя бланк свидетельских показаний. Уходя, он с некоторой тревогой огляделся в поисках Найсуондеров, но те давным-давно убыли восвояси.

О кенгурушке с Бико, так и оставшейся у Таны Найсуондер, он вспомнил только на полпути к дому. Что до статьи, которую Артур хотел показать матери – той самой статьи, о колледже и библиотеке Брукса, – повод вспомнить о ней у него появился только через неделю.

Глава 3

Вана Макбрайда обступили со всех сторон.

Отправившийся на поиски соседа в Арундель-холл, Артур обнаружил его за одним из столиков кафетерия, сидящим напротив Донны Макбрайд и Элли Шайнер... девушки такой красоты, что Артуру всерьез казалось, будто смотреть на нее прямым взглядом просто-таки опасно. Рядом с Элли ребята внезапно становились жутко неловкими, неуклюжими – Артур сам видел. С Ваном такое происходило все время. Как-то раз Ван, выходящий из комнаты, загляделся на Элли, промахнулся мимо дверей, впечатался лбом в косяк, и пришлось ему, бедному, бежать в медпункт для студентов за холодным компрессом.

Донна тоже выглядела очень даже неплохо, однако обжиманий с нею Артур даже представить себе не мог: слишком уж она походила на Вана. Три минуты старше брата-близнеца, в полутьме она запросто могла сойти за него. Только прошлой весной один из парней Донны сел рядом с Ваном в темном студенческом клубе, погладил его бедро и только тут понял, что лапает не того из Макбрайдов.

– Давай, чувачок, не тушуйся, – подбодрил его Ван, – а то ко мне уж который месяц никто всерьез не пристаёт.

Сейчас вокруг Элли с близнецами Макбрайда сгрудилось около дюжины старшекурсников. На столе перед Донной лежала половина колоды карт, а перед Ваном – еще половина, будто близнецы собрались играть в «Войну»⁷. На глазах Артура Донна сняла со своей половины колоды верхнюю карту, взглянула на нее, не показывая брату, а потом оба уставились друг дружке в глаза.

– Тройка пик, – объявил Ван.

Донна бросила карту на стол лицевой стороной кверху. Увидев на столе тройку пик, зрители восторженно завопили.

Тогда Ван, сняв со своей половины колоды верхнюю карту, небрежно взглянул на нее.

– Черная масть... да, черная, – заговорила Донна. – Вижу жестокого сукина сына, при-
выкшего помыкать всеми вокруг... Король? Король треф?

– О-о, вы только послушайте! Бредятина – высший класс! – протянула Элли.

Ван хлестко выложил на стол короля треф, а едва Донна успела взглянуть на следующую карту, покачал головой и пробормотал:

– Четверка бубен.

Донна швырнула карту в воздух. Какой-то прыщеватый первокурсник поймал ее и предъявил остальным зрителям: действительно, четверка бубен.

– А мои мысли прочесть сможешь? – спросил студент по левую руку от Артура.

Оглянувшись, Артур обнаружил рядом коллегу-старшекурсника по имени Колин Рен. Колин уже глядел на лицевую сторону карты, сдернутой с колоды Вана.

– Нет, – ответила Донна. – Ни с кем, кроме Вана, не получается. Такая вот особая близнецовская фишка.

– А сейчас ты им расскажешь, что мы и раньше близнецами были, – протянул Ван.

– Точно, – кивнув, подтвердила Донна.

– «Раньше»? – хмыкнул кто-то из зрителей. – Когда это «раньше»?

– До этой, теперешней жизни. Тогда, в Салеме, мы тоже родились двойняшками, и нас предали смерти за любовь к дьяволу, – небрежно, словно нечто само собой разумеющееся, сообщила Донна.

⁷ Одна из простейших карточных игр, известная в России как «пьяница».

– О-о, вот жуть-то, – застонала девчонка в уголке стола. – Послушать людей, дьявол – это вроде как шуточки. Никому даже в голову не приходит, что это со всяким, и с ним тоже, может случиться!

– Никому даже в голову не приходит, что и с ним тоже может случиться... Что именно? – уточнил Колин.

– Осуждение на вечные муки, – пояснила девчонка, нервно теребя золотой крестик на шее. – Все думают, дьявол – просто сказка... но вон в одном калифорнийском детском саду заставляли же воспитатели детишек резать козла... Сатана возвращается к нам всерьез!

– Как и штаны с клешами, – кивнув, добавил Ван. – Что наглядно доказывает: ни одно из великих зол не исчезает навеки.

Девчонка, сморщив нос, отошла от стола.

– Надо же, сколько у вас всякого, – заметил Колин. – Близнецы-телепаты и перевоплощения плюс веточка поклонения Сатане для пущей пикантности. По-моему, очень даже неплохо.

Несколько угловатый, сложением Колин напоминал гроб: широкие плечи, узкие бедра, бритая голова глянцевито поблескивает в свете столовских люстр... Артур не раз видел Колина на студенческих благотворительных мероприятиях в компании деда, почетного профессора, специалиста по психологии, ясноглазого старика, носившего галстуки-бабочки и никогда не появлявшегося на людях без платочка в нагрудном кармане двубортного пиджака. Жили они, Колин с дедом, в обширном имении под названием «Терновники», совсем рядом с кампусом, на мысу. Сам куда больше похожий на одного из профессоров, чем на студента, Колин внушал Артуру смутную робость.

– Давно ли вы научились читать мысли друг друга? – спросил Колин.

– С малых лет, – заверила его Донна. – У нас и язык есть собственный. Помнишь, Ван? Дибийя?

– Ди киса? Маньяймвен, – откликнулся Ван.

Артур отвел взгляд в сторону. Возможно, все остальные и приняли речь близнецов за тайный язык, но он-то сходство с луизианским креольским уловил сразу, а Макбрайды родились в Пенсаколе.

– Люблю я такие штуки, – сообщил Колин. – И теорий у меня куча. Вы карты Зенера когда-нибудь видели? У деда есть колода.

– Что такое «карты Зенера»? – спросила Донна.

– Способ проверки на экстрасенсорный потенциал. Обязательно загляните как-нибудь ко мне в гости. Интересно было бы оценить меру ваших способностей в контролируемых условиях.

– А можно и мне? – спросил Артур. – Хотелось бы поглядеть, как ты меряешь Ванов потенциал.

– Так мерили уже, – сообщил Ван. – В десятом классе. В раздевалке с парнями линейку пустили по кругу. Какие-то паршивые семь дюймов... что наглядно доказывает: может, дьявол и есть, но уж Бога-то нету точно.

Глава 4

На третьем году учебы в Рэкхеме Артур с Ваном, съехав из кампуса, поселились в неоконилиальном доме за полмили от колледжа. Когда-то, еще до начала восьмидесятых, дом выкрасили в противоестественный оттенок морской волны, отчего с виду казалось, будто он должен фосфоресцировать в темноте, и разделили на пару студенческих апартаментов: квартира снизу, квартира сверху. Верхний этаж сняли три девчонки. В начале триместра девчонки куролесили вовсю, врубая «Фрэнки Гоуз ту Голливуд»⁸ так, что дрожали не только стекла в окнах, но даже мебель, да еще подпевая, визжа во все горло. Однако к концу сентября в квартире этажом выше воцарились тоска и запустение. Одна из девчонок выпала из окна во время танцулек в кампусе, сломала позвоночник и была отправлена домой. Другая познакомилась с парнем из УМО и переехала к нему. Третья, специализировавшаяся в морской биологии, три дня из четырех проводила на исследовательском судне.

Ван говорил, что скучает по ним, что соседство девчонок – шумных, веселых, возможно, нестрогого нрава – стимулировало воображение и просто радовало сердце. Однако Артур против покоя вовсе не возражал и в тот момент, когда зазвонил телефон, пользуясь тишиной, распутывал кое-какие загадки древнеанглийского. Древнеанглийский он любил всю свою жизнь: уж очень необычно, вкусно ложились старинные слова и в голову, и на язык. Конечно, «тоска» – слово вполне о'кей, но «bitre breostcaere», то есть «горька туга грудинна», намекало на некое другое, куда более глубокое чувство из той эпохи, когда люди обитали не в головах, а в теле. Порой, зачитавшись древнеанглийским, Артур обнаруживал, что и думает на нем, будто дорсетский монах, трудящийся над перепиской рукописи перед вечерней службой.

Дотянувшись до телефона, привинченного к стене над кухонным столом, он снял трубку сразу же после второго звонка.

– Кенгурушку тебе вернуть? – без предисловий, с тягучим акцентом янки, спросила девчонка на том конце провода.

Кто говорит и о чем, собственно, речь, Артур понял не сразу.

– А, ту, с Бико?

– Я знаю, кто он такой. Про него еще Питер Гэбриэл⁹ поет. Может, я и из «местных», но не совсем уж дура.

– Я и не говорил... Прошу прощения, напомни, как тебя звать?

– Тана Найсуондер. Где «Заткнись и Жри» найти, знаешь? Это на углу Макдональда и Лэнга. Подъезжай часам к семи, у меня как раз смена закончится. Тогда кенгурушку и забереешь.

– Можно, наверное.

– «Наверное», – с необъяснимым презрением передразнила его Тана. – Кабы ты кенгурушку ту мне не одолжил, меня бы мать повидать не пустили. Не знаю даже, как тебя благодарить, так что... с меня нынче ужин.

Последнее прозвучало точно угрозой.

Находившуюся в соседнем городке, в Гогане, пиццерию «Заткнись и Жри» отделяло от дома Артура около мили, но вечер выдался настолько приятным (на ум невольно приходило слово «восхитительным»), что Артур решил оставить «христомобиль» во дворе и прогуляться пешком. Казалось, последние дни сентября, переступив порог осени, другой ногой увязли в лете. Сияние предвечернего солнца, клонившегося к закату, расплескалось золотистым маре-

⁸ Популярная в 1980-х британская рок-группа.

⁹ Имеется в виду песня протеста против апартеида под названием «Бико», написанная и выпущенная английским рок-музыкантом Питером Гэбриэлом в 1980 г.

вом по лику земли. Листья деревьев пестрели мазками осенней желтизны, а воздух был сладок, хрусток, словно яблоко, только что сорванное с ветки.

Пиццерия «Заткнись и Жри» обнаружилась в ряду торгового комплекса, между пунктом обналички чеков и винным магазином. Толкнув плексигласовую дверь, Артур вошел в длинный зал, ничуть не романтически освещенный люминесцентными трубками. Под инфракрасными лампами, неторопливо кружась, грелись штабели тарелок с пиццей, у дальней стены поквакивал автомат «Миссис Пакман»¹⁰, линолеум в черно-белую клетку давненько нуждался в мытье... Пожалуй, приемный покой «Скорой помощи» поздним вечером и то выглядел бы несколько привлекательнее.

За кассой стояла Тана Найсуондер.

– Можно мне стейк-бомбу, большую «Коку» и малость поношенную кенгурушку с Бико? – заговорил Артур.

Фразу эту он считал очень даже остроумной – даже репетировал, проговаривал про себя на ходу, но Тана всего лишь стоически выбила его заказ.

– Еще пятнадцать минут, и свободна. Кенгурушка твоя в машине, на задах. Хочешь, забирай хоть сейчас.

Дождавшись заказанного сэндвича (предложенной бумажки в десять долларов Тана не приняла, отрицательно покачав головой), Артур прошел тускло освещенным коридором и миновал туалет с темной кладовкой. Позади заведения, за дверью пожарного выхода, оказалась усыпанная гравием автостоянка.

На общество Артур не рассчитывал и здорово удивился, увидев у выхода Ронни со старшей сестрой Таны, Джейн, торчавших возле «Форда Ранчero». Машину он запомнил еще в «Блэк Крикет». «ЗАДАРОМ НЕ КАТАЮ – ТРАВКА, БЕНЗИН, ИЛИ ГОТОВЬ ВАЗЕЛИН»... Державший в зубах сигарету Ронни запрокинул голову и выпустил дым в вечернее небо. Джейн, накинув поверх обтягивающей безрукавки кенгурушку с Бико, сидела на капоте с запотевшей бутылкой пива меж бедер.

Оба передавали друг другу какие-то полароидные снимки и появление Артура заметили не сразу.

– Ого! Это же Артур Оукс! Как оно? Ничего? – приветствовал его Ронни.

Вот это удивило Артура еще сильнее: полного имени он никому из них не называл и до сих пор не понимал, каким образом Тана узнала его телефон.

– Прекрасная кенгурушка, – заметил он, кивнув Джейн.

– Ага, мне тоже нравится, – откликнулась она.

Однако Артура вовсе не волновало, что ей нравится, а что нет: самому ему происходящее не нравилось совершенно. Ясное дело, от него ждали, чтоб он спросил, что у них там, на снимках, но подыгрывать ему не хотелось. Просить о возвращении кенгурушки – тоже. Попро-сишь о чем-то – и тут же окажешься в их руках. Аппетит исчез, как не бывало, и все же Артур, развернув сэндвич, впился в него зубами.

– Эй, кореш, хочешь задницей шикозной полюбоваться? Глянь-ка!

С этими словами Джейн бросила ему полароид, будто фрисби, и Артур поймал снимок, прижав его ладонью к груди. Во рту пересохло еще до того, как он успел взглянуть на фото.

Снимали, похоже, в потемках, но округлости женского зада под белыми хлопчатобумажными трусиками Артур разглядел без труда. Еще в кадре кто-то держал черенок ложки, едва не касаясь кончиком одной из ягодиц. Черенок ложки... остро заточенный, дочерна обожженный... Прожеванный кусок сэндвича в желудке словно бы превратился в клейкий, не поддающийся перевариванию ком теста.

¹⁰ Популярная аркадная видеоигра, новая версия похожей, также очень популярной игры под названием «Пакман».

– Ничо так у твоей мамки попец, а? – продолжила Джейн. – Да, знаю, знаю, она ж духовного сана, но как увидишь этакую корму, поневоле о грешном задумаешься!

Артуру захотелось швырнуть ей снимок, однако вместо этого он попросту замер, опустив руку с фото и тупо глядя на Ронни с Дженни.

– Ты, может, думаешь, это на самом деле не она, а? Ну да, если б ты родную мамку по заднице сразу же узнавал, я бы, наверное, насчет тебя беспокоиться начала. Вот, глянь сюда. Здесь и лицо видно.

Поставив в сторонку бутылку «Курз», Дженни соскользнула с капота и протянула Артуру еще один полароид. Артур взял снимок за уголок, опустил взгляд, но Дженни своего уголка фото не выпустила.

Этот фотоснимок изображал мать лежащей на боку – глаза закрыты, голова утонула в тонкой тюремной подушке. Кроме того, в кадр снова попала чья-то рука с заточкой из черенка ложки, только на сей раз острие чернело чуть ниже правого глаза матери.

Убедившись, что Артур все разглядел, Джейн выдернула полароид из его пальцев. Лицо Артура обдало жаром, будто после пощечины.

– Ого, да он разозлился! – воскликнул Ронни. – Глянь – нет, ты только глянь!

– Ничего он не разозлился. Расплатится он сейчас, – возразила Джейн. – Верно, Арти? Расплачешься же?

– Ошибаешься, мать твою, ох как ошибаешься, – ответил Артур.

Однако ошибся как раз он сам – уже в том, что вообще раскрыл рот. Голос его прозвучал так тоненько, сдавленно, что Джейн с Ронни едва не лопнули со смеху. От хохота Джейн пошатнулась и рухнула бы с ног, если б не оперлась вовремя о капот «Ранчери».

– Ох, Арти, – выдохнула она, утирая заслезившиеся глаза рукавом кенгурушки с Бико, – вот смехота-то... вот смехота!

– Если ваша мать, – начал Артур, – хоть близко подойдет к моей маме...

– Вот этого не бойся, – оборвала его Джейн. – Моя мать в одиночку угодила на месяц, а все потому, что тебе страсть как захотелось белым рыцарем себя выставить. Сидит теперь под яркими лампами двадцать четыре часа в сутки. Посрать не может, чтоб за ней через камеру не следили! – Фыркнув, она потрясла перед носом Артура полароидом. – Нет, это не моя мать тут с заточкой. Дафна Найсуондер к твоей мамочке и близко не подойдет. Зачем? Видишь ли, у Дафны, в отличие от твоей мамочки, есть подруги. Моя мать – не заносчивая сучка из колледжа, полагающая себя умней всех вокруг. Моя мать книжных клубов не затевает. Отсиживает срок, а благодаря тебе может поцеловать на прощание первую попытку подачи ходатайства об условно-досрочном. Но ничего, ладно! Мы – люди не из злопамятных. Знаешь, что мать моя говорит? Любая проблема – это возможность.

– Эй, ты доедать это будешь? – вмешался Ронни, указав на стейк-бомбу в руке Артура.

Опасаясь вновь подать голос, запищать, точно «Элвин и бурундуки»¹¹, Артур молча покачал головой, и Ронни аккуратно забрал у него сэндвич.

– Выдохни, Арти, – хмыкнула Джейн. – Никто твою мамочку пальцем не тронул. Она обо всем этом вообще ничего не знает: незачем ей. А вот тебе, если хочешь, чтоб она срок отбыла без проблем, придется поработать с нами.

Развернув вынутую из кармана кенгурушки с Бико газетную вырезку, она сощурилась и патетически, с подвываниями, прочла вслух:

– «Будущее на пороге колледжа Рэкхема!»

Страх Артура усилился, сменившись чем-то вроде неподдельного ужаса.

¹¹ Вымышленная музыкальная группа, состоявшая из трех бурундуков. За всех бурундуков пел пианист и актер Росс Багдасарян-старший, применяя для повышения тональности голоса технику ускоренного воспроизведения.

Джейн, развернув вырезку в его сторону, показала ему фотоснимок, сопровождавший статью. На фото мистер Мекфессель, главный хранитель библиотеки Брукса, поглаживал монитор их новенького IBM, будто голову смышленного, послушного мальчугана, а за его спиной, улыбаясь в объектив, стояли несколько студентов-библиотекарей. Ярче всех выделялся на общем фоне он, Артур, в красном свитере а-ля мистер Роджерс¹²: руки скрещены на груди, подбородок поднят, на губах тень улыбки – одним словом, форменный юный гений!

– Собирался показать мамочке, как тебя в газете пропечатали? Мило, мило! Так вот, здесь сказано, что ты – главный над студентами-библиотекарями. Сказано, что у тебя есть доступ к, как у вас говорится, особому фонду, потому что ты составляешь его... «цифровой реестр». В компьютер все книжки записываешь. У них там, в этом зале, правда есть первое издание «Гекльберри Финна»? И главное, сколько такая книжка может стоить?

У Артура свело живот. Казалось, кишки стянуло тугим, холодным узлом.

– Не знаю, – пробормотал он. – Вряд ли очень уж дорого: их же в стране полно.

Джейн, с показным смирением кивнув, шагнула к Артуру, подняла руку и вдруг с силой толкнула его ладонью в лоб. Ударившись затылком о кирпичную стену, Артур уронил под ноги бутылку, и «Кола», хлынув из горлышка, растеклась по гравии пузырчатой, пенистой лужей.

– Шесть штук. Шесть штук, ты, говнюк безмозглый, – процедила Джейн. – Шутки со мной не шути. Одно мое слово, и любая наркоша, на крэке сидящая, распишет твоей мамаше морду заточкой, а надзиратели приглядят, чтобы никто не мешал. Хочешь, она, твоя мамочка, слеподырой домой вернется?!

– Вранье, – вырвалось у Артура, однако его голос прозвучал едва-едва громче шепота.

– Да-а? И во что же тебе не верится? Насчет наркош или насчет надзирателей? Кто мне, по-твоему, эти вот полароиды передал? Людей в синем, желающих срубить пару баксов сверх жалованья, да еще поглядеть, как какие-то шизанутые суки режут друг дружку, на свете, знаешь ли, полным-полно. Тюремной охране платят еще хуже, чем копам, а я, дебил ты недоделанный, и паре копов плачу! Заглядывают нужные люди в «Заткнись и Жри» за ломтиком пиццы, большой «Колой» да двумя сотнями баксов под столиком, и пожалуйста, торгуй хоть травой, хоть порошком по всей округе!

Тут задняя дверь «Заткнись и Жри» распахнулась, и за порог вышла Тана. На Артура она, проходя мимо, взглянула без малейшего интереса.

– Все, отработала, – сообщила она. – Поехали, а? Мне еще дерьма всякого разгрести надо кучу.

Джейн ухватила ее за плечо и развернула лицом к Артуру.

– Шас. Шас поедем.

Смотреть в лицо Артура Тана не пожелала, однако Джейн, вцепившись в ее плечо мертвой хваткой, удержала сестру на месте.

– Эй, Арти, ты, я так понимаю, здорово зол. Хочешь кому-нибудь накостылять – давай, можешь сестрице моей блямбу-другую подвесить. Если б не она, мы бы тебя и не доставали. Из-за нее все. Около месяца назад эта овца придурочная, представляешь, увидела, как полиция к нашему дому подруливает – причем не здешние, не из наших друзей, а полиция штата, – и запихнула в дровяную плиту ракетного топлива на шестьдесят косарей!

– «Ракетного топлива»? – переспросил Артур.

Да, он умел читать по-древнеанглийски, и по-валлийски, и, пусть с грехом пополам, по-ирландски, но языка, на котором говорила Джейн, не понимал, хоть тресни.

– Порошка. ФЦП. На шестьдесят косарей, самое меньшее. В розницу, может, и втрое бы вышло. Словом, было с чего мамочке нашей осатанеть, будь уверен, – пояснила Джейн и снова

¹² Фред Роджерс – ведущий американского образовательного телесериала для детей «По соседству с мистером Роджерсом», транслировавшегося по общенациональному телевидению США с 1968 по 2001 г.

бросила взгляд на статью, вырезанную Артуром из «Подомаквасси рекорд». – А как насчет письма от Уолтера Уитмена? Он же известный, так?

– Не могу я, – откликнулся Артур.

– А по-моему, сможешь. Вроде бы все это там не по сейфам заперто. И, кроме того, вот тут, прямо в статье, сказано: у тебя есть до-оступ.

В последнем слове прозвучали нотки невероятного наслаждения, будто оно несло в себе некие эротические коннотации.

– Но что-нибудь вроде письма Уитмена тебе не продать. Коллекционеры не покупают редкие, ценные книги и рукописи, не выяснив, откуда они у продавца. «Провенанс» называется.

– Ну, это не про «Гека Финна», – энергично жуя сандвич, заметил Ронни. – Первые издания? Их на рынке мешки. Вот этого Уолта Дерьмитмена – да, спихнуть будет труднее, но знаю я одну старую леди из Бостона, так она говорит...

– Эй, Ронни, – перебила его Джейн, – сунь-ка в хавальник еще кусок сандвича и заткнись на хрен.

Ронни лениво – ну, извини, дескать, извини – махнул рукой.

– Мы толкнем все, что ты нам ни добудешь, – обращаясь к Артуру, продолжила Джейн. – И жадничать не станем. Нам с одним чуваком рассчитаться надо, а он дает нам время, чтоб денег поднять. Соберем ему шестьдесят кусков, и считай, твоя мамка в порядке.

В легких у Артура похолодело от страха.

– Вам нужно, чтоб я... украл из библиотеки Брукса на шестьдесят тысяч долларов редких книг? – пролепетал он. – Я не могу... не могу сделать этого. Меня ведь кто-нибудь да поймает.

– Кому ты сдался – тебя ловить? Никто вообще ничего не заметит. Это ж как... ну, когда хоронят людей вместе с кольцами, камешками и прочим дерьмом. Зачем, спрашивается? В могиле от побрякушек никому никакого толку. Книги из этого списка там, в библиотеке, считай, похоронены – вот настоящее преступление. Живые деньги стоят на полках, пыль собирают. Короче, добудешь что-нибудь к выходным. Что-нибудь стоящее. А Тана к тебе заглянет в воскресенье после обеда и раздобытое заберет. Вытащишь нужные, подходящие книги, мы, может, уже к Рождеству все вопросы решим.

Потрепав сестру по макушке, Джейн развернула ее и подтолкнула к машине. Тана, распахнув пассажирскую дверцу «Ранчero», откинула вперед спинку кресла и, даже не оглянувшись, забралась на заднее сиденье. Джейн, придерживав отворенную дверцу, повернулась к Артуру:

– Эй! Слыхал ты, что твоя мамочка собственный книжный клуб завела, сокровищами литературы с отъявленными греховодницами делится? Вот и ты будешь делать то же самое. Все равно что откроешь свой книжный клуб. Нас с каждой новой книжкой облагораживать, обогащать будешь. Это ж не преступление! Это, считай, гражданский долг!

Ронни, покончив с сандвичем, допил остатки пива и запустил опорожненной бутылкой в фонарный столб. К окружающей обстановке фонарь не подходил совершенно: такому фонарю самое место где-нибудь в Лондоне Шерлока Холмса, а вовсе не рядом с мусорным баком на задах захолустного торгового комплекса, однако звон разбившейся бутылки, наоборот, казался здесь вполне уместным.

Потянувшись, Ронни взглянул сквозь ветровое стекло на девчонок, ждавших его в машине, повернулся к Артуру и с лукавой улыбкой покачал головой:

– Ну, мне пора: надо, вишь, дам домой отвезти. Не вешай нос, Арти! Бывает и хуже. Представь: а если б тебе жить с ними пришлось?

«Ранчero» сорвался с места так резко, что гравий брызнул из-под колес. Пара камешков звонко хлестнула о стену рядом с Артуром, а еще один угодил ему в голень. Однако Артур

даже не дрогнул и не почувствовал боли – лишь позже, разувшись, обнаружил, что носок мокр от крови.

Назавтра к поврежденной ноге прибавилась нешуточная обида: о кенгурушке, так и оставшейся у Джейн Найсуондер, Артуру вспомнилось только утром.

Глава 5

Большую часть следующих тридцати шести часов Артур провел в полном оцепенении – будто температура вдруг подскочила. Все, что бы он ни ел, и пахло весьма подозрительно, и на вкус казалось то скисшим, то стухшим. Отсидев очередную из часовых лекций, он покидал аудиторию, так ничего и не услышав, ничего не узнав, и даже не смог бы ответить, о чем, собственно, шла речь.

Дежурить по библиотеке ему предстояло в среду, но Артур отпросился, сказавшись больным, причем не слишком соврал. Стоило только представить, как он входит в просторный, усталый мрамором вестибюль, как шаги его отражаются эхом от купола потолка, желудок сводило судорогой.

Однако следующее дежурство выпадало на пятницу, с часу до семи, а о втором пропуске не могло быть и речи. Миновав обшарпанные, окованные бронзой двери двадцатифутовой высоты, Артур приостановился на пороге библиотеки и бросил взгляд в сторону особого фонда.

Чтобы попасть в особый фонд, следовало обогнуть ореховую стойку справочного бюро в глубине вестибюля, а потом подняться по винтовой лестнице кованого железа на французский балкон этажом выше. Там, наверху, на втором этаже, хранилище отделяла от балкона целая стена из листового стекла в свинцовых переплетах. Сквозь старое, волнистое, словно подтаявшее стекло всякий, кто двигался по хранилищу, выглядел будто пловец под водой, подернутой рябью.

Зал по ту сторону стеклянной стены представлял собой просторное прямоугольное помещение с иссиня-серым сланцевым полом и окнами-бойницами в глубоких амбразурах, как будто для обороны хранилища от орд неучей могли потребоваться лучники. Вдоль стен высились стеллажи с ценными книгами. . . однако самые редкие, невосполнимые экземпляры хранились в отдельном шкафу, под замком. В число таковых входила и жемчужина коллекции колледжа Рэкхема, мемуары Еноха Крейна, повешенного в Нью-Гэмпшире за «сговор с дьяволом» в тысяча семьсот первом. Во исполнение просьбы Крейна, после казни книгу переплели в его собственную выдубленную и высушенную кожу, а томов в переплетах из человеческой кожи, кроме нее, на всю Новую Англию насчитывалось всего пять: два – в Гарварде, один – в Бостонском атенеуме¹³, один – в Дартмуте и еще один – в УМО. Всем сердцем любивший, жевавший новые, необычные слова, будто тянучки, Артур даже помнил специальный термин для обозначения подобных книг: «Антроподермическая библиопегия»... с одной стороны, слова эти звучали научно, с другой же – несколько грязно, словно описывали какое-то немыслимое извращение, а вовсе не область переплетного дела.

В первые недели триместра он долгое время проводил в особом фонде один и, надев перчатки из белого хлопка, очищал книги от пыли, осматривал на предмет заражения чешуйницами, книжной вошью, плесенью. Те, что в плохом состоянии, подлежали ремонту и реставрации. У Артура имелась синяя папка с полным каталогом собрания, и с назначением старшим над студентами-библиотекарями он получил эффектное, романтическое поручение – скопировать все данные каталога в новенький компьютер IBM/DOS, заодно заноса туда и данные о состоянии каждого тома на текущий момент. В статье, напечатанной «Подомаквасси рекорд», эта работа описывалась как нечто из «Военных игр»¹⁴, сродни взлому компьютерной сети Пентагона, но в действительности больше всего походила на мытье полов зубной щеткой: результативность если и выше, то ненамного.

¹³ Старейшая библиотека и музей в Бостоне, штат Массачусетс, США.

¹⁴ Американский фантастический технотриллер 1983 г.

В тот день Артур, не желая приближаться к драгоценным старинным книгам, не собиравшись даже переступить порог особого фонда. Сильнее всего ему хотелось уберечь книги от себя самого: казалось, для них он куда опаснее любых насекомых и сырости. Отметив приход, он около часа расхаживал среди полок с тележкой, расставляя по местам возвращенные книги. Бродя по проходам, он обнаружил один из трех экземпляров «Ангелов-убийц»¹⁵ Майкла Шаары в твердом переплете, убедился, что это второе издание с картами боевых действий на форзаце и нахзаце, и уложил книгу в тележку. Спустя еще минут десять туда же отправилось первое издание «Избранных рассказов» Кэтрин Портер¹⁶ и слегка потрепанный экземпляр первого издания «Кинозрителя»¹⁷ Перси. По прикидкам Артура, все, что он намеревался украсть, стоило долларов около пятисот, но главное, наличествовало в нескольких экземплярах – то есть украденного вполне могли не хватиться еще многие годы.

Вернувшись к контрольному столу у выхода, Артур отыскал перовой резак, извлек из-под корешков отобранных книг магнитные полоски, уложил книги в рюкзак с учебниками и продолжил дежурство. К шести вечера в библиотеке, кроме него, не осталось почти никого: большая часть студентов перебралась в кафетерий. Под конец смены Артур ускользнул в отдел периодики и занялся кое-какой домашней работой, не имевшей ни малейшего отношения к учебе.

Массивные блоки машин для чтения микрофиш, как обычно, поблескивали жестью, стеклом и железом в отведенной им полутемной нише. К одной из них и подсел Артур с полудюжиной пленок, микрокопиями всех номеров «Портленд пресс геральд» с 1987 по 1989 год. Его мать провела в заключении три года, однако с Найсуондерами он прежде, до нынешнего сентября, не сталкивался, а это значило, что Дафна Найсуондер соседствует с матерью всего пару месяцев.

Зарядив в проектор первую из катушек, за май – июнь восемьдесят девятого, Артур повернул ручку, и сама история помчалась по экрану, словно окошки ярко освещенных вагонов в ночи. Зернистые черно-белые фотоснимки: Джордж Буш, Мануэль Норьега, Дэнни Де Вито, Арнольд Шварценеггер... «Кока – непревзойденные ощущения»... «Армия: будь кем можешь быть»... ««Сега Джинезис» изменит твой мир навсегда»...

Мысленно он приготовился просматривать статьи не меньше часа, но стоило ему полистать газетные страницы всего минутой-другую – и вот оно, первое упоминание об искомом, на последних страницах одиннадцатого номера «Геральд» за июнь:

«СОВЕРШИВШАЯ НАПАДЕНИЕ НА ПОЧТОВОГО СЛУЖАЩЕГО ПОЛУЧАЕТ МАКСИМАЛЬНЫЙ СРОК

Огаста, шт. Мэн. – Начало заседания суда для вынесения приговора было назначено на два часа пополудни. Чтобы принять решение, судье Левону Скелтону не потребовалось и десяти минут. Выстрелившая из пистолета калибром 9 мм в ногу почтовому служащему Альберту Фрауну 15 марта Дафна Найсуондер приговорена – ни более ни менее – к десяти годам лишения свободы. Кроме этого, в связи с едва ли не двенадцатичасовым противодействием силам охраны правопорядка, последовавшим за

¹⁵ Исторический роман о битве при Геттисберге во время Гражданской войны в США, в 1975 г. удостоенный Пулитцеровской премии в области художественной литературы.

¹⁶ Американская журналистка, писательница и общественный деятель. В 1966 г. упомянутый сборник ее рассказов был удостоен Пулитцеровской премии и Национальной книжной премии США.

¹⁷ Дебютный роман Уокера Перси, в 1962 г. удостоенный Национальной книжной премии США и внесенный журналом «Тайм» в список «100 лучших книг».

стрельбой, властями штата выдвинуты дополнительные обвинения в адрес...»

Артур поспешил отыскать пленку за март – апрель. Катушки тоненько засвистели, завертелись, отматываясь в прошлое, к шестнадцатому марта. Вначале Артур прочел изначальную статью – на первой полосе, но без подробностей, а потом и более развернутый отчет о происшедшем, опубликованный на следующий день.

Как выяснилось, Дафна Найсуондер у себя в кухне, слушая радио, фасовала фунт порошка по отдельным пластиковым мешочкам, попутно подмешивая в порошок разрыхлитель для теста, и тут к ее порогу подошел почтальон, Альберт Фраун. В обеих руках он держал громоздкий, увесистый сверток, а дверной звонок у Найсуондеров не работал по меньшей мере два года, и вместо того, чтоб постучать, почтальон толкнул дверь коленом. Новичку на службе доставлять почту на Редди-лейн, в Гоган, Фрауну довелось впервые... а еще он был черным.

Незадолго до этого массачусетскому поставщику Дафны пришлось обменяться парой слов – и выстрелов – с Приречной Братвой, бандой, подмявшей под себя большую часть торговли тяжелыми наркотиками в районе Бостона и нацелившейся наложить лапу на всю торговлю порошком в Новой Англии. После чего партнер предостерег Дафну: «Берегись – бляху засветит, чтобы в дом попасть, и конец тебе, тупой деревенщине». Ясное дело, взглянув на двадцатитрехлетнего чернокожего в синей униформе, с длинным коричневым свертком, прижатым к груди, Дафна Найсуондер тут же узнала в нем стрелка из Приречной Братвы с дробовиком в коробке. Первую из девятимиллиметровых пуль она выпустила Альберту Фрауну в лоб, но промахнулась, зато еще три угодили бедняге-почтальону в колено, в голень и в щиколотку.

От полиции Дафна оборонялась почти до ночи, обещая пристрелить первого же из «чертовых Барни Файфов»¹⁸, кто сунется», прямо сквозь дверь. Сдалась она только в половине десятого вечера, после того как по Пятому каналу объявили очередные выигрышные номера «Пауэрболла» – билеты проверила, убедилась, что ничего не выиграла, и вышла с поднятыми руками, объявив: день нынче, дескать, не мой.

Стоило Артуру добраться до перспектив выздоровления Альберта Фрауна (обнадеживающих, хотя хромым он, вероятнее всего, останется на всю жизнь), за спиной раздался голос Вана:

– Ты в доме с названием хоть раз был? Это ж даже не дом – имение, мать его, целое!

Артур, вздрогнув от неожиданности, обернулся назад. Ван наклонился к нему, сощурился, вглядываясь в экран машины для чтения микрофиш, однако Артур, будто бы между прочим, нажал клавишу перемотки.

– О чем ты? – спросил он.

Ван выпрямился.

– О Колине Рене. Пошли. Девчонки снаружи ждут. Мы домой к нему едем. Он хочет какие-то опыты над нами с Донной проделать, проверить наш экстрасенсорный потенциал. И вы с Элли туда тоже приглашены.

– С чего бы это? – удивился Артур, извлекая из машины кассету с микрофишами.

Если б он и вознамерился рассказать кому-нибудь о своей беде, то в первую очередь Вану, но к этому Артур еще не был готов. Казалось, он вывалился в грязи и теперь охвачен загадочной, смутной боязнью запачкать кого-то еще... особенно друга. Вдобавок к этому страху примешивались опасения, как бы рассказ обо всем не сделал сложившееся положение реальнее прежнего, хотя реальнее вроде бы уже некуда.

– Колин говорил, ему требуются двое ребят безо всякого паранормального дара, а я сказал, что человека бездарнее тебя в этом смысле не знаю, – пояснил Ван.

¹⁸ Барни Файф – вымышленный комический персонаж, помощник шерифа из американской телепрограммы «Шоу Энди Гриффита», сыгранный актером Доном Ноттсом.

– Не могу с этим спорить, но Элли-то отчего? Откуда тебе ее возможности знать? Вдруг она – все равно что Ури Геллер¹⁹, только женского пола?

– Хрен-те, не умеет эта девчонка мыслей читать. Прочла бы мои, вообще бы со мной разговаривать перестала.

– О, Ван, что у тебя в голове, ей известно, можешь не сомневаться, – заверил его Артур.

– Вот дерьмо-то, – пробормотал Ван и вправду здорово покраснел.

¹⁹ Израильский фокусник, иллюзионист, мистификатор, прославившийся на весь мир благодаря «сгибанию металлических ложек силой взгляда».

Глава 6

Двора перед домом Колина не имелось: дом окружал целый парк. Обширные, заросшие деревьями и кустарником уголья окружала сложенная из дикого плитняка стена без малого восьми футов в высоту. Кусты терновника, благодаря которым усадьба и получила название, сгрудились внутри, у самой стены – черные, шипастые, по-осеннему голые. Направив «христомобиль» к въезду, украшенному каменными колоннами, Артур заметил пару кованых драконов, восседавших на их верхушках, и потом не раз гадал, что это – случайное совпадение или как.

При всем при том сам дом оказался на удивление скромным двухэтажным кирпичным зданием в федеральном стиле²⁰, только-только вмещавшим семью из восьми человек с дюжиной слуг. Аспидная кровля отливала в точности той же самой сизой ледяной синевой, что и океан, видневшийся в просветах между деревьями за домом.

Гурьбой вывалившись из машины, Артур, Ван и девчонки поднялись на крыльцо по гранитным ступеням, обычным для зданий суда, выстроенных в девятнадцатом веке. Колин распахнул парадную дверь, прежде чем кто-либо успел постучать в нее массивным бронзовым кольцом. Бритая голова его поблескивала над воротом заправленной в джинсы черной водолазки, точно пуля.

Артур запрокинул голову, разглядывая белые дорические колонны, подпиравшие крышу портика, и огромное, в форме веера, окно над парадной дверью, затейливой, будто от Тиффани.

– У твоего деда такая куча денег? – спросил он и сразу же понял, насколько бестактен сорвавшийся с языка вопрос.

Однако Колин не повел даже бровью.

– Богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает, – ответил он, впуская гостей в вестибюль.

Да, не в прихожую – в вестибюль: пол вымощен крупными, грубыми плитами камня, к галерее второго этажа ведет плавно изогнутая лестница темнейшего красного дерева...

– А чем твой дед занимался? – любопытствовала Донна.

– Написал книгу, не изданную до сих пор, – ответил Колин, – только больших денег на ней, по-моему, не нажил.

– О чем? – заинтересовался Артур.

– Об искусстве промывки мозгов, – объяснил Колин.

– Как ей не поддаваться?

– Нет, – отвечал Колин, – как ее применять. Он во Вьетнаме служил, военным психологом. И написал справочник, как полностью, в буквальном смысле слова, уничтожить кого-либо психологически.

Последовав за Колином Реном, все они оказались в кухне – громадной, точно кухня не самого маленького ресторана. Здесь женщина лет под сорок разгружала вместительную промышленную посудомойку, а за столом, на островке посреди комнаты, сидела, склонившись над грудой книг и бумаг, девчонка. Костюм Гвен Плебс (впрочем, ее имени Артур еще не знал) составляла рубашка легкого хлопка поверх футболки с треугольным вырезом и громадные очки в черной пластмассовой оправе. Поразмыслив, Артур решил, что она оканчивает школу. Расшнурованные хайтопы «Конверс» от доктора Джея²¹ на ее ногах выглядели настолько старыми, словно тоже перешли в выпускной класс. На столе перед девчонкой лежали раскрытые

²⁰ Стиль, доминировавший в американской архитектуре, мебельном и декоративном искусстве в период создания федерального правительства США (т. е. в конце XVIII – начале XIX в.).

²¹ Имеется в виду Джулиус Ирвинг, известный профессиональный баскетболист, в 1975 г. ставший «лицом» обувной компании «Конверс».

«Начала анализа», однако девчонка, отложив в сторону домашнюю работу, увлеченно решала кроссворд.

Войдя, Колин поздоровался с женщиной у плиты – очевидно, девчонкиной матерью. Сложена она была точно так же, разве что фунтов на двадцать тяжелее да лет на двадцать постарше, и даже очки на самом кончике носа носила точно такие же. В ответ на приветствие она по-матерински чмокнула Колина в щеку, водрузила на плиту чайник и спросила, не хочет ли кто-нибудь чаю или какао.

– Кто это, Колин? – не отрывая глаз от кроссворда, осведомилась девчонка. – Ваша группа по изучению Библии?

– Бери выше, Гвен: экстрасенсы, – ответил Колин. – Вот эти двое, Донна и Ван, умеют мысли друг друга читать.

– Смотрите, эктоплазмой весь дом не заляпайте, а то самим отмывать придется. Маму я домой отвезу, как только кекс с корицей в духовке дойдет.

Значит, мать Гвен здесь в прислугах, а сама Гвен как минимум доросла до получения прав? Неловкость, охватившая Артура, невольно залюбовавшегося изящным изгибом ее шеи, не говоря уж о том, как Гвен вильнула задом, устраиваясь поудобнее на табурете, несколько улеглась. Даже дешевые, захватанные жирными пальцами очки Гвен и те внушали подлинное восхищение: так и хотелось, сняв их с ее носа, протереть стекла полой рубашки...

– Стрип, – остановившись за полшага от дверей в коридор и обернувшись к Гвен, сказал он.

Гвен, заморгав, подняла взгляд.

– Чего? Стриптиз? Не на первом же свидании.

– Нет, – покачав головой, откликнулся Артур. – Двенадцатое по вертикали, пять букв. Кое-что забавное в воскресной газете. Ответ – «стрип». Ну, комикс кадров из трех-четырех, вроде «Гарфилда», понимаешь?

– А-а! – сообразила Гвен и принялась вписывать ответ в клетки. – Спасибо!

– Обращайся, если что.

С этим Артур наконец вышел из кухни.

Вдоль одной из стен библиотеки тянулись вишневые книжные шкафы под потолок – восемнадцати футов в высоту. Противоположная стена представляла собой ряд французских окон, открывавших вид на каменистый мыс и холодную синеву залива, изборожденного белыми пенными гребнями волн. Вереницу французских окон надвое разбивал сложенный из камня камин. Возле стены справа от двери стояло странное пианино: в отверстии за откинутой панелью над клавишами виднелся рулон бумаги, натянутый на валики, усеянные множеством шпенок, – ни дать ни взять музыкальная шкатулка, причем самая большая в мире. Над пианино, вплотную один к другому, висели остекленные ящички с бабочками, по две-три в каждом. Бабочки словно из кованой бронзы, бабочки с радужными крылышками из серебра с хромом...

Не сообразив, куда бы тут примоститься, Артур уселся на банкетку у пианино, под живописным мемориалом в память о геноциде бабочек. Судя по всему, здесь, в этой комнате, он был беднее всех. Отец Элли Шайнер в свое время играл за «Даллас Ковбойз», затем провел десять лет в Конгрессе, а потом стал кем-то вроде лоббиста и теперь владел летним домом в Кеннебанкпорте, таунхаусом в округе Колумбия и особняком в Хьюстоне. Макбрайды на бедность тоже не жаловались: их отец владел телевизионной станцией и несколькими региональными газетами на Глубоком Юге.

Дальнюю часть библиотеки занимал массивный вишневый стол, обтянутый кожей. Обогнув его, Донна принялась осматривать деревянный шкафчик с застекленными дверцами, футов восьми в высоту. Артуру подумалось, что внутри, вероятнее всего, хранятся какие-то диковины, возможно, немалой цены, и уж точно не предназначенные, чтоб их трогали. Однако

Донна принадлежала к тем, кто считает, что в крайнем случае лучше попросить прощения, чем разрешения, хотя, если вдуматься, просить о чем-либо удосуживалась нечасто. Распахнув дверцы, она извлекла из шкафчика военную каску – защитного цвета, в пятнах ржавчины, с алой звездой спереди, нахлобучила ее на голову и снова склонилась к шкафчику. На сей раз ей подвернулся под руку слесарный молоток с шаровым бойком и пробковой рукоятью.

– Так в чьей армии твой дед, говоришь, служил? – для пробы взмахнув им, спросила она и, вытянувшись в струнку, щелкнув каблуками, вскинула руку кверху в нацистском салюте, а свободной рукой прижала молоток к груди, будто винтовку. – Дзыг Файль!

– Каска не нацистская, а русская. Принадлежала самому Вольфу Мессингу, личному ясновидцу Сталина. Хотя, возможно, он ни разу ее не надевал. А молоток – орудие убийства из того самого «Дома смерти» в Лос-Фелиз. Известен он тем, что приносит несчастье. Дом известен, не молоток. Думаю, дед понадеялся, что и в молотке сохранится хоть какая-то, хоть крохотная искорка зла, но, увы, просчитался.

Донна, поморщившись, вернула молоток в шкаф.

– Что это все за дребедень? – спросила она, нагнувшись к нижним полкам.

– Хранилище редкостей. Личная Кунсткамера деда. Дед постоянно охотится за куклами, в которых вселяются злые духи, за снимками НЛО и тому подобным. Сейчас он – вроде как энтузиаст всякой мистической хрени, а раньше многие годы то преподавал всякую мистическую хрень, то исследовал всякую мистическую хрень по поручению правительства.

– Ну, а тебя-то как к деду жить занесло? – спросил Ван.

– Мать собралась уйти от отца и не придумала ничего лучшего, как сообщить ему об этом, когда оба ехали в семейном «порше». А отец взял да свернул с трассы в пропасть на ста десяти милях в час. Но это, конечно, только предположения. Как там на самом деле все получилось, наверняка, разумеется, не скажет никто. Может, отец просто москита решил прихлопнуть и не справился с управлением.

– Господи Иисусе, – выдохнул Ван. – Прости, бога ради. Ужасный, конечно, случай...

– Еще бы, – кивнул Колин, – «порш»-то был – классика.

Тем временем Донна вытащила из шкафа катушку киноплёнки в обшарпанном жестяном футляре и сощурилась, вглядываясь в поблекший ярлык.

– «Визит... капрала... Хондо», – прочла она и подняла взгляд. – Что это, Колин? Порнуха твоего дедушки?

– Мой дед действительно со странностями, – мягко ответил Колин.

Все в изумлении умолкли.

– А заснят здесь, – продолжил Колин, указывая на пленку, – один из последних в серии экспериментов «Филипп» – тех, проводившихся военными здесь, в Америке. Вдохновленных работой канадских ученых, Уиттена с Оуэном.

– Эксперименты серии «Филипп»... Что это? – заинтересовалась Элли.

– В начале семидесятых группа исследователей из Торонто затеяла эксперимент с вымышленным духом. Придумали персонажа по имени Филипп Эйлсфорд, сочинили историю его жизни, наштампованную намеренными ошибками и откровенной чушью, а потом начали устраивать спиритические сеансы, на связь его вызывать. И вызвали. Смех смехом, а вызвали. Их Филипп мог поднять в воздух столик. Мог притушить свет, захлопнуть ставни на окнах, понизить температуру на десять – двадцать градусов. Все это чистая правда, хотите – проверьте. В подтасовках их так никто и не уличил. Ну, а мой дед со своей исследовательской группой повторил этот эксперимент в Лэнгли. Выдумав собственного духа, большого любителя шуток, и окрестив его капралом Элвудом Хондо.

– И что этот Хондо мог делать?

– А вот, все здесь, на пленке. Надо как-нибудь собраться вместе и посмотреть.

Пока остальные разговаривали о духах, Артур принялся изучать странное пианино. Железный рычаг, переключающийся с «ВКЛ.» на «ВЫКЛ.», еще рычаг с надписью «ТЕМП»... Стоило ткнуть рычаг пальцем, клавиши пианино вдруг ожили, забренчали, вызванивая какую-то рубленую, бешеную сонату. Сдавленно вскрикнув, Артур шарахнулся прочь, да так, что едва не свалился с банкетки, а клавиши все скакали вверх-вниз, однако музыка становилась все тише и тише. Казалось, накокаиненный полтергейст выдыхается, впадает в оцепенение.

– Он здесь! – завопил Ван, спеша укрыться за массивным столом и увлекая за собой Элли. – Хондо здесь, среди нас!

Элли взвизгнула, но вовсе не от испуга – скорее уж с удовольствием.

– Это же пианола. Ну, механическое пианино, – пояснил Колин. – Чтоб играло, на педали жать нужно. Если кому не нравится Моцарт, у нас и другие рулоны есть. По-моему, в коллекции деда имеется даже буги-вуги.

За разговорами он успел переместиться к обтянутому зеленым сукном карточному столу, какого не постыдились бы и европейские казино, и принялся искусно, одной рукой, тасовать выуженную откуда-то колоду карт.

– Ладно, давайте начнем. Если все возьмется за дело всерьез, думаю, успеем доказать существование экстрасенсорного восприятия как раз к кексу с корицей.

* * *

Устроившись у противоположных краев карточного стола, Донна с Ваном взялись за чтение мыслей. Колода Зенера состояла из двадцати пяти карт с пятью символами: квадрат, круг, звезда, какие-то волнистые линии и знак «плюс». Ван, вытащив карту наугад, пристально глядел на нее, Донна говорила, что это, на ее взгляд, за карта, а Колин, вооружившись блокнотом, вел счет верным и неверным ответам.

Поначалу у Донны с Ваном дело не ладилось. Элли, встав за спиной Донны, принялась разминать ей плечи.

– Ничего, ничего, все о'кей. Сегодня Сатана тебя оставил, а завтра, глядишь, снова о тебе вспомнит.

– Треугольник, – объявила Донна.

– Нет в этой колоде треугольников, дура, – устало откликнулся Ван.

Донна, нацепив зеркальные темные очки, коснулась пальцем виска.

– Голова разболелась. Не удивлюсь, если и кровь из носу потечет. Чтение мыслей у обладателей паранормальных способностей вечно кровью из носа заканчивается. Общеизвестный факт, подтверждаемый многими-многими фильмами.

С этим она забрала у Вана колоду, и после пары промашек близнецы разошлись, выдали десять верных ответов подряд.

– Ну вот, пошло дело, – констатировал Колин. – Ван, ты что чувствуешь? Будто сам в голове у сестры или, скорее, она тебе свои мысли в голову впихивает?

– Или... это я так, в порядке гипотезы... как будто ты видишь отражения карт в очках Донны? – добавил Артур.

Ван потянулся через стол, схватил колоду карт и швырнул ее в Артура.

Однако Колина это ничуть не обескуражило.

– О, разумеется, теперь-то, после того как Артур вас раскусил, все очевидно. Но ведь тогда, в кафетерии, вы кое-что выдали, так?

– Ясное дело, – подтвердил Артур, – там они мухлевали хитрее. Эй, Ван, как на вашем тайном близнецовском языке – том самом, жутко похожем на луизианский креольский, – будет «тепло бесстыжее»?

– Касс тва, – ответил Ван.

– Какая жалость, – без малейшего разочарования в голосе пробормотал Колин. – Я-то надеялся научно доказать существование экстрасенсорного восприятия уже сегодня.

– А давайте я с картами Зенера попробую! – не узнавая себя самого (в последние дни он успел начисто позабыть, что такое радость), предложил Артур. – Я готов проникнуть в чьи-нибудь глубочайшие, мрачнейшие тайны!

– Да? А вот посмотрим, – поддразнила его Гвен, остановившаяся в дверях с подносом. На подносе высился кекс, а поверх него стояли кружки с какао.

– Ребята, это Гвен. Гвен Плебс, – представил ее Колин.

– Не слушай его, – вмешался Ван. – Никакой ты не плебс, детка. Давай тащи кекс сюда.

– Это ее фамилия, дебил, – догадалась Донна. – И не командуй ею, как прислугой какой-то.

– Я и есть прислуга, – возразила Гвен.

– Ничего подобного. Домоправительница у нас – твоя мать, – поправил ее Колин.

– Вопрос только во времени, – вздохнула Гвен. – До матери домоправительницей у вас служила бабушка. Когда бы кому из Ренов ни потребовалось подтереть зад, рядом всегда стоял кто-то из Плебсов с туалетной бумагой.

С этим она поставила поднос на карточный стол, и все принялись разбирать угощение. В каждой кружке плавало по зефирине – громадной, с кубик Рубика величиной. Как и все остальное в Терновниках, эти зефирины казались потрясающе великолепными, но в то же время слегка неправдоподобными.

– Давай, Оукс, – велел Колин. – Ваша с Гвен очередь.

Тут у дверей заиграло пианино. Оглянувшись, Артур обнаружил за клавишами Элли, причем она не просто жала педали, а вправду играла, в который раз отправив вервольфов бродить по Лондону²².

– Рисковый, однако, поступок – решать кроссворд из пятничной «Нью-Йорк таймс» ручкой, – заметил Артур, собирая с пола карты Зенера.

– Ну, если это, по-твоему, риск, свидания с тобой – наверняка сплошные приключения, – парировала Гвен.

Донна расхохоталась в голос.

– Да, Артур, раскусила она тебя! Элли, с какой вероятностью Оукс до сих пор девственник?

– Может, Артура ты и раскусила, – заметил Ван, – но Элли всех остальных насквозь видит. Магистерский курс статистического анализа изучает с семнадцати лет. Лично я это нахожу оскорбительным. Быть красивее и в то же время умнее друзей – неприлично. Нельзя. Иначе они упадут духом и отправятся искать себе равно.

– Со статистикой никакие паранормальные способности не нужны, – откликнулась Элли. – Обширный набор данных гораздо надежнее карт Таро!

Вновь ударив по клавишам, она запела:

– Вижу вервольфа с китайским меню в руке,
Шестьдесят процентов – закажет он му-гай-пен!
А в Мичигане один вервольф водил самосвал,
Девяносто процентов – за Рейгана голосовал!

Ван застонал, стиснув виски ладонями.

²² Имеется в виду одна из самых известных песен Уоррена Зивона, американского певца и композитора песенника, «Лондонские вервольфы». Приведенный далее текст песни – пародия на оригинал.

– Рифмовка... схема рифмовки не та, – с запинкой, страдальчески забормотал он. – Прекрати, Элли... прекрати! Уоррена Зивона я люблю, а тебя... тебя просто слушать больно!

Донна слегка взмахнула рукой, приветствуя Гвен.

– Донна Макбрайд, – представилась она, – а вон тот – мой гомункул, Донован.

– Мы – близнецы, – пояснил Ван. – Вот хотел, хотел же сожрать ее еще в материнской утробе!

– Я – Эллисон Шайнер, – пропела Элли, – из техасских байю, и – шестьдесят три процента – тебя полюблю!

– Может, приступим? – вмешался Артур, встряхнув картами Зенера над плечом.

Необходимость делить Гвен с остальными раздражала его не на шутку: они-то куда интереснее, веселее, чем он! Что он такое? Не отвязный чудаков вроде Донны с Ваном, не ослепительный, как Элли, и до изощренного инопланетного интеллекта Колина ему далеко. Как же порой утомительна дружба с яркими личностями!

Однако Гвен широко улыбнулась ему, сдвинула большим пальцем очки к переносице.

– Ладно, приступим. Посмотрим, нашла ли я уже ход в твою, Артур Оукс, голову!

– Ну, в этом, по-моему, можно не сомневаться, – пробормотал Артур.

Взглянув на верхнюю карту, он поднял глаза, однако не выдержал взгляда Гвен (правду сказать, у него просто дух захватило), заморгал, снова взглянул на карту.

– Звезда, – объявила Гвен.

– Нет, – ответил Артур, еще раз окинув взглядом знак «плюс».

– Я говорю, ты – звезда. Звезда науки, очевидно же. Квадрат?

– Извини, нет.

– Да я своих сил в ход еще не пустила. Я спрашиваю, ты – квадрат?²³

– Если в смысле старомодности, да. На старофранцузском ради забавы читаю.

– Вот и славно, – отозвалась Гвен. – Я – тоже квадрат, только в смысле самоуверенности. Или бесхитростности. Сам видел: кроссворды из «Нью-Йорк таймс» ручкой решаю.

Артур не сумел сдержать смеха.

– Брось, старина. Давай отгадывай всерьез.

– Кр-р-р...

Артур отрицательно качнул головой.

– Р-р-р... плюс!

– Верно.

– Ого! – воскликнул Колин. – Парапсихологический потенциал у вас просто зашкаливает!

Конечно же, Колин их поддразнивал, но следующий символ (квадрат) Гвен назвала верно и следующий за ним (снова плюс) – тоже. После пяти точных попаданий подряд Артур снова рискнул взглянуть Гвен в глаза.

Гвен изучала его. Это казалось пугающим и в то же время прекрасным. Глаза ее оказались не то чтобы карими – по краешкам скорее зелеными, бледно-бледно-зелеными, будто смотришь сквозь стенку бутылки из-под «Кока-колы», однако еще в них виднелись прожилки, поблескивавшие золотистой фольгой. Охваченный радостью, Артур перевел дух, но тут же вспомнил о фотографии с заточкой у самого глаза матери и не на шутку устыдился этой минутной радости.

– Полароид, – сказала Гвен.

– А?

Гвен покачала головой:

²³ От англ. «square», в переносном смысле – «цивил», скучный человек, мещанин консервативно-старомодных взглядов.

– Прости. Мне вдруг почему-то представился недодержанный полароид. Давай еще раз. Волнистые линии?

– Мм-мгм, – промычал Артур, внезапно утратив дар речи.

– Неплохо справляетесь, – отметил Колин. – Уже шесть попаданий кряду. Приближаемся к статистической релевантности... мм... просто секси! Ты, Гвен, силой мысли раздеваешь его догола!

– Оставь свои двусмысленности при себе, Рен, – огрызнулась Гвен.

Из следующих двенадцати символов она верно назвала девять, однако вскрывать новые карты Артуру уже не требовалось: он и без этого понял, что Гвен читает его, словно раскрытую книгу.

Глава 7

Вторую половину воскресенья Артур, охваченный нарастающим напряжением, безуспешно корпел над простеньким переводом «Жития святого Обена». Каждая фраза теряла всякий смысл уже на полпути. Продираясь от одного слова к другому, Артур никак не мог связать их во что-либо содержательное: краденые книги, лежавшие стопкой у края кухонного стола, маячили на периферии зрения.

Джейн обещала, что Тана явится за добычей в воскресенье, после обеда, однако не уточнила, во сколько. Чем дольше Артур ждал, тем ему становилось хуже. Забыв включить свет, он продолжал работу, пока волна предвечерних теней не поднялась, не хлынула в окна, залив кухню сумраком. В конце концов читать сделалось невозможно. Дотянуться до выключателя сидя Артур не мог, но даже не подумал подняться на ноги. Будь он помладше, ускользнул бы в спальню, спрятался под одеялом, но ничего, сидеть в тишине, в полумраке кухни, пожалуй, немногим хуже.

Когда в парадную дверь постучали, горло Артура перехватило так, что ему показалось, будто он не в состоянии сделать вдох. За дверью, с деланным безразличием на веснушчатом лисьем лице, покачивая поднятой кверху на раскрытой ладони коробкой с пищей, стояла Тана Найсуондер.

– Ужинал? – поинтересовалась она.

– Нет, – признался Артур.

Тана протянула ему коробку.

– Крылышки без костей, – пояснила она. – Все тебе.

– Даже не знаю, сумею ли съесть их, – пробормотал Артур. – Плохо мне что-то.

– Ничего, аппетит вернется, – заверила его Тана. – Неважно, что ты там сделал... или с тобой проделали.

Прозвучало это, словно нечто, усвоенное отнюдь не понаслышке.

– Спасибо.

Поставив коробку с пищей на чугунную батарею слева от входа, Артур вернулся в кухню за книгами. Казалось, он поднимает со стола связку динамита – старого динамита, «пропотевшего» каплями нитроглицерина, готового сдетонировать от любой неосторожной встряски. Тана ждала его там же, где он ее оставил, в прихожей.

– В следующее воскресенье приеду снова, – предупредила она. – К тому времени приготовь еще что-нибудь.

Как только она, хлопнув сетчатой дверью, ушла, Ван, выглянувший из своей спальни, уставился ей вслед, проводил ее взглядом до невзрачного «Цивика» со световым коробом «Заткнись и Жри» на крыше, оставленного по ту сторону улицы. Заметил ли он стопку книг у нее под мышкой, оставалось только гадать, но стоило Вану, повернув голову, заметить коробку с крылышками, глаза его загорелись огнем.

– Заказал доставку из «Заткнись и Жри» и даже не спросил, не нужно ли мне чего? – обиженно протянул он. – А я-то думал, друзей не забывают...

– Забирай, – откликнулся Артур. – Сам не пойму, зачем заказал их. Аппетита нет совершенно.

Бледный лоб Вана пересекла морщинка.

– Ты о'кей? Температуры с виду вроде бы нет.

– Переводов куча, а времени мало, – объяснил Артур.

Ван степенно огладил несуществующую бороду.

– Отдохнуть тебе нужно. Расслабиться. Хотя бы с той малышкой, Гвен Плебс.

Артур раскрыл было рот, но, так и не сказав ни слова, отправился назад в кухню. Ван хрипло, кудахчуще захохотал ему вслед.

В следующую пятницу Артур вынес из библиотеки первые издания «Жизней Дьюбина» Маламуда²⁴, «Бегущего» Ротштейна²⁵ и «Благодетеля» Зонтаг²⁶. Спустя еще неделю его добычей стали первое издание «Хороших новостей» Эдварда Эбби²⁷ в твердом переплете, экземпляр «Лоскутушки из страны Оз» Баума, по крайней мере, с виду казавшийся старым, и замечательное пятое издание толкиновского «Фермера Джайлса из Хэма». Последнюю книгу, не слишком толстый, прекрасной сохранности томик в твердом переплете со сказочным деревом на суперобложке, красть было особенно совестно, однако в библиотеке имелось еще четыре экземпляра, так что пропажи никто не хватится.

К тому времени наступила середина октября. Воскресным вечером Тана явилась за второй партией краденого и на сей раз привезла Артуру холодную гавайскую пиццу. Взвесив книги в руке, она пригляделась к корешкам переплетов.

– Эти хоть что-нибудь стоят? – спросила она.

– «Фермер Джайлс», на мой взгляд, просто бесценен.

– Те, прошлые, оказались полным фуфлом, – заметила Тана, еще раз взвесив книги в ладони. – Джейн жаловалась, еле бензин до Бостона оправдали.

– Может, тот, кому Джейн их продает, догадывается, что ее легко обмануть? Откуда тому, кто сроду книг не читал, знать, сколько какая стоит?

Глаза Таны полыхнули огнем.

– Моей сестре не нужно читать телефонную книгу, чтобы тебе по морде ею надавать. Вот для тебя урок будет...

После ее ухода Артур уселся за кухонный стол и начал снимать с холодного ломтя пиццы кусочки ананаса. Стоило ему задуматься, что за мазохистам таким требуется пицца с фруктами, на стене зазвонил телефон.

– Эй, – заговорил Колин, не удосужившись даже сказать «привет», – хочешь увидеть кое-что вправду жуткое?

²⁴ Бернард Маламуд – известный американский писатель и педагог XX в.

²⁵ Имеется в виду вымышленный писатель Джон Ротштейн, персонаж романа Стивена Кинга «Кто нашел, берет себе».

²⁶ Сьюзен Зонтаг – американская писательница XX в., литературный, художественный, театральный, кинокритик, режиссер театра и кино, лауреат национальных и международных премий.

²⁷ Эдвард Пол Эбби – американский писатель и эссеист XX в., известный статьями по вопросам экологии, критикой принципов управления общественными землями и анархистскими взглядами.

Глава 8

Пленку в проектор зарядил Луэллин Рен лично. Как выяснилось, их компании предстояло посмотреть не просто какое-нибудь жуткое кино, но фильм с самим Луэллином в главной роли.

Дедушка Колина присоединялся к их посиделкам в библиотеке вовсе не всякий раз и даже нечасто. Однако многие годы спустя, стоило вспомнить, как они почти ежедневно собирались в Терновниках, чтобы вместе взяться за домашние задания, или поужинать, или проверить друг друга на паранормальные способности, Артуру неизменно казалось, что старик частенько расхаживал среди них какое-то время, греясь у очага их увлеченности... хотя, возможно, дела обстояли наоборот. Возможно, он согревал гостей сам.

Худощавый, невысокого роста, он сыпал словечками вроде «класс!» или «шикозно!», будто мальчишка-газетчик из 1940-х, каким-то образом угодивший в тело старика. Любой предмет, извлеченный из его Кунсткамеры, служил началом для оживленной часовой беседы, полной экскурсов в историю, психологию и литературу. Однажды вечером Донна отыскала на полках шкафа гагатовую шкатулку, украшенную золотой филигранью. Внутри, в боковом выдвижном ящичке, обнаружился набор небольших пыльных костяных фигурок. Предназначалось все это для древнеегипетской игры «Сенет», по словам Луэллина, символизировавшей путешествие из одного мира в другой, а фигурки оказались косточками фаланг пальцев скелета.

В другой раз Донна извлекла из шкафа длинноствольную винтовку и, вскинув ее к плечу, прицелилась в дальнюю стену. При виде оружия Луэллин, сидевший за столом рядом с банкой из-под леденцов, полной экседрина (обезболивающее он уписывал, будто «Эм энд Эмс»), присаял, в радостном удивлении поднял брови.

– Чья она? Ли Харви Освальда? – любопытствовала Донна, прижавшись щекой к прикладу, словно задумала всадить пулю в пианолу возле дверей.

– Нет, однако ты не так уж далека от истины, – отвечал Луэллин. – Из этой винтовки некий внештатный преподаватель английского с кучей психических расстройств в анамнезе пытался убить кандидата в Сенат, Грегa Стилсона. Стрелок – звали его Джоном Смитом – предположительно обладал даром ясновидения и совершенно точно страдал раком головного мозга. При вскрытии в его голове обнаружили опухоль величиной не меньше твоего кулачка... Бог ты мой, вот экспонат вышел бы для Кунсткамеры! Раковая опухоль Джона Смита! Интересно, не прячут ли ее где-нибудь замаринованной в банке?

– А мои родители любили Грегa Стилсона, – сообщила Элли. – Папа организовывал пару встреч с ним – говорил, при такой мощной поддержке независимых с белыми протестантами он и президентом стать может... Жаль его, очень жаль. Попытка покушения, ужасный посттравматический стресс, в итоге самоубийство... с тем же успехом Джон Смит мог бы вправду его застрелить.

– А как по-твоему, того ребенка посттравматическим стрессом не накрыло? – вмешался в разговор Ван. – Того, которым Грег Стилсон прикрылся от пули Джона Смита?

– Не слушайте его, – проворчала Донна. – У Вана просто куча чуши левацкой в голове. На самом деле Стилсон хотел ребенка спасти, оттолкнуть с линии выстрела. Раш Лимбо²⁸ в своей передаче дал полный анализ случившегося, все по полочкам разложил.

²⁸ Американский общественный деятель консервативного толка, с конца 1980-х – ведущий собственного высокорейтингового разговорного телешоу.

Артур от комментариев воздержался. Его мать, пикетируя один из митингов Стилсона, угодила под арест, и, по ее мнению, со Стилсона вполне стало бы поедать детишек за завтраком.

Голова семидесятилетнего Луэллина представляла собою кунсткамеру не хуже шкафа с диковинками. Казалось, знаниям его нет границ. Он коллекционировал бабочек и рулоны для пианолы. Свободно ориентировался в современных психологических доктринах... а также в шведском кино, сыроварении и религиозных воззрениях бушменов-кхунг. Предпочитал Фрейду Юнга и с пугающей уверенностью заявлял, что в Лос-Аламосе в тот день, когда Оппенгеймер взорвал первую Бомбу, присутствовали нейтральные наблюдатели от инопланетян.

Сегодня Луэллин с Колином устроились возле массивного железного проектора «Белл энд Хауэлл» шестидесятых годов, Элли подвешивала перед столом небольшой школьный киноэкран, Донна с Гвен расставляли рядком переташенные от карточного стола табуреты, а Ван, развалившийся на банкетке у пианолы, покуривал «Собрание» Луэллина, любуясь табачным дымком, струившимся к потолку.

Пока Колин разматывал удлинитель, Луэллин принялся заряжать в проектор бобину с пленкой, а между делом заговорил, предлагая вниманию гостей нечто вроде пролога к предстоящему киносеансу:

– Насколько я понимаю, о докторе Уиттене из Торонто и о его эксперименте «Филипп» Колин вам кое-что уже рассказал. Весьма начитанный, прекрасно осведомленный о спиритических сеансах викторианских времен, Джоэль Уиттен знал, что в те дни спиритуалисты представляли собой легкую добычу для жуликов, однако многие из сеансов порождали феномены, достойные пристального исследования: потусторонние голоса, резкие изменения температуры воздуха, левитацию среди бела дня. По мнению Уиттена, группа людей со схожими убеждениями, будучи введена в раскрепощенное, творческое состояние духа, вполне может – пускай слегка, самую малость, однако же ощутимо – пошатнуть устои реальности. Увлеченный данной идеей, он сколотил шайку склонных повеселиться социологов и психологов, и устроили они вот какой эксперимент. Выдумали фиктивную личность по имени Филипп Эйлсфорд и начали устраивать спиритические сеансы, проверяя, сумеют ли установить контакт с его духом.

– Хотя сами же его выдумали? – переспросила Гвен, сдвигая очки к переносице.

Присланная матерью принести чай, она осталась в библиотеке, воспользовавшись приглашением Колина, указавшего ей взглядом на свободное кресло.

– Хотя сами же его и выдумали. Доктор Уиттен считал, что Филипп попросту сыграет роль увеличительного стекла, фокусирующего целенаправленное бессознательное участников. И что же? К осени 1972-го Филипп проявлялся на каждом сеансе. Тогда в отделе девятнадцать – в подразделении Вооруженных сил США, занимающемся психологическими изысканиями, – сочли, что сей феномен требует дальнейшего изучения, и поручили мне, в то время их штатному научному сотруднику, воспроизвести эксперимент Уиттена. Нашим духом стал некто Элвуд Хондо, казненный на электрическом стуле после того, как задушил нескольких юношей во Флориде. Была у меня гипотеза, что реакции убийцы окажутся более агрессивными, а следовательно, более явственными...

– Выдуманный убийца, – протянула Донна. – То есть вы выдумали маньяка, подумав, что его дух нашумит, набуянит сильнее.

– Ну, дух чересчур учтивый, чтоб лишний раз позвенеть цепями, нам уж точно не требовался, – откликнулся Луэллин. – Спроси любого из романистов, они подтвердят: непостоянная, буйная личность – лучший движитель сюжета.

Проектор затрещал, и Колин выключил свет. На опущенном экране вспыхнул яркий квадрат. Поначалу изображение оказалось расплывчатым, но Луэллин подкрутил что-то в проекторе, и картинка вмиг обрела четкость.

Вокруг складного карточного столика тесно сгрудилось полдюжины мужчин и две женщины. Луэллина Артур узнал сразу, хотя тот носил опрятные темные усики, а одет был в плотную бордовую водолазку, такой же символ эпохи, как лавовые лампы и диско. Военных мундиров из мужчин не носил никто. Один, чернокожий с мощным бычьим загривком, щеголял в зеркальных темных очках, хотя вся группа находилась в закрытом помещении, причем, видимо, без окон. Головы женщин – под пятьдесят, а может, и малость за пятьдесят – украшали прически, будто прямиком из «Семейки Брейди»²⁹. Все они...

...легонько касаются кончиками пальцев столешницы. От края до края стены позади них тянутся невысокие белые книжные полки, битком набитые всевозможными справочниками. На полках стоит катушечный магнитофон; бобины с пленкой неторопливо вращаются. Очевидно, как правило, эта комната служит для инструктажей, но сегодня около трех десятков голых металлических кресел сложены и сдвинуты вбок, к стене.

Некоторые из сидящих за столиком о чем-то переговариваются друг с другом, как будто собрались у кого-нибудь в пригороде, выпить по коктейлю-другому в узком кругу. Общую болтовню перекрывает звонкий, озорной голос Луэллина:

– Капрал Хондо? Элвуд? Ты нынче с нами? У меня тут целая папка восхитительно грязных снимков. Будешь хорошим парнем, не откажешься постучать, покажу хоть все.

– Постучи! – вопит одна из женицин.

– Давай, Элвуд, уважь нас, постучи хоть пару раз! – присоединяется к ней один из мужчин.

– Давай, Элвуд, – поддерживает его чернокожий в темных очках, – ведь хочешь же поглядеть, что там, в папке! На одной какой-то тощий белый парень рукоблудит. Тебе понравится, точно.

Луэллин из семидесятых раскрывает папку, переворачивает один из лежащих внутри фотоснимков лицевой стороной кверху, но камера зафиксирована под таким углом, что изображения не разглядеть.

– Хочешь взглянуть на одну в качестве аперитива? Погляди, дорогой, порадуй взгляд. Если понравится, у меня в папке множество куда лучших. Но если хочешь поглядеть остальные, придется тебе отозваться. Давай, выдай нам старый добрый стук по столу, скажи «привет»!

Одна из женицин во весь голос затягивает «We Are the Champions». Песню один за другим подхватывают еще несколько человек. Стоит им пропеть около половины первого куплета, стальной складной стул у стены опрокидывается, с громким лязгом падает на бетон, и...

Донна, пронзительно взвизгнув, едва не свалилась на пол вместе с собственным креслом. Артур, сидевший прямо за ней, поспешил подхватить ее, а Колин захохотал, будто мальчишка на первом из спусков громадных «русских горок», опьяненный нарастающей скоростью. Между тем на экране...

...разгулявшаяся восьмерка озирается по сторонам. Хоровое пение расстраивается, умолкает... однако пару секунд спустя поющие вновь, громче прежнего, затягивают: «WEEEEE'LL KEEEEEEEEEP onfffffIGHTIN»...

От стены с грохотом отлетает еще один складной стул, а за ним еще один. Оба, лязгая сталью, поочередно падают на бетон пола. Еще стул взлетает в воздух, словно подброшенный чьей-то рукой. За первым стулом взлетает второй. В конце концов некая сила подкидывает кверху всю стопу стульев. Луэллин и женицины за столиком раздражаются маниакаль-

²⁹ Популярный американский комедийный телесериал, транслировавшийся с 1969 по 1974 г.

ным хохотом. Чернокожий в темных очках начинает убирать со столешницы руки, но под предостерегающим взглядом Луэллина вновь опускает кончики пальцев на стол. Собравшиеся вертятся, ерзают, не сводя глаз с падающих складных стульев. Один из стульев сам собою раскладывается, начинает шагать по комнате, будто гусеница, сдвигая и раздвигая ножки...

И вдруг участники сеанса нетвердо поднимаются на ноги. Встать им приходится поневоле, иначе придется оторвать от столика кончики пальцев, так как карточный столик отрывается от пола, пьяно покачивается в воздухе. Кто-то испуганно вскрикивает...

– Вот тут лично я бы убрался оттуда на хрен, – признался Ван.

– А я – нет, – рассудила Гвен.

Мерцание экрана, отражаясь в ее очках, превратило линзы в пару кружков зыбкого, призрачного света.

– Я бы, наверное, шагу оттуда не сделала. К типам вроде этого Элвуда Хондо спиной поворачиваться не стоит.

– Он же выдуманный, – напомнил ей Артур.

– Но стол-то поднял и стульями вон как швыряется, – пробормотала Гвен. – Прилетит по башке таким стулом, я думаю, сотрясение мозга заработаешь настоящее. Самое что ни на есть.

Столик, грохнув о бетон ножками, опускается на пол. Развеселые гуляки, собравшиеся на сеанс, с радостными возгласами усаживаются по местам. Чернокожий в темных очках ежится, словно только что стал свидетелем на редкость кровавого, изуверского акта насилия.

Тут, в свою очередь, начинает чудить катушечный магнитофон на книжных полках за спинами собравшихся. Одна из массивных кнопок глухо щелкает, катушки прекращают вращение. Соседняя кнопка с таким же щелчком утопает в панели. Катушки, визжа, отматывают пленку назад. «Щелк!» – срабатывает еще кнопка. Катушки останавливаются. Последняя кнопка резко, едва ли не с грохотом, опускается книзу, и магнитофон начинает играть.

Из динамика, набирая громкость, раздаются голоса собравшихся на сеанс гостей, тянущих строку из песни «Квин»:

– BA-A-A-A-A-A-AD MISTAKES!

Щелкает кнопка «Стоп». Катушки с визгом мотают пленку назад, останавливаются, и магнитофон повторяет:

– BA-A-A-A-A-A-A-A-AAD MIISTAAKES!

Щелк, вз-з-з-ззз, и снова:

– BA-A-A-A-A-A-A-A-A-A-W-W-D MIISSTAAAKES!

Слова эти повторяются вновь и вновь, всякий раз чуть медленней прежнего. Слаженный хор сливается в один голос – басовитый, тягучий:

– BA-A-A-A-A-A-A-A-AW-AW-AW-AWW-DMII-I-ISTAAA-AAA-ACHES...

Катушки визжат, щелкает кнопка, и снова пение:

– I'VECOMETHROUGH...

Вз-з-з-ззз, и-и-и-и, ЩЕЛК.

– I'VE...

– COME...

– THROOOOOUGH...

Пленка начинает проигрываться задом наперед, на высокой скорости, порождая звук наподобие визгливого истерического хихиканья. Мало-помалу хихиканье перерастает в нечто новое. Возможно, в смех... в нездоровый, безумный хохот, а может, в рыдания. Чернокожий на экране оглядывается за спину и наконец снимает темные очки. Доматавшаяся до конца лента срывается с подающей катушки, и механизм, тут же сменивший направление перемотки, мечет петли узкой, глянцево черной пленки вверх, будто серпантин.

Чернокожий отшатывается, отворачивается от магнитофона, смотрит прямоком в объектив... а его глаза сплошь покрыты беспорядочными каракулями, массой причудливых, неровных штрихов, нанесенных чьей-то рукой прямо на пленку; рот раскрывается, готовясь произнести...

* * *

– ХВАТИТ! На хрен все это! – выкрикнула Донна.

Вскочив на ноги, она хлопнула ладонью по выключателю. Библиотека озарилась светом... но тут лампочка в настенном светильнике прямо над головой Донны лопнула, взорвалась с ослепительно-белой вспышкой.

Донна испуганно взвизгнула. Ван отшатнулся назад, потерял равновесие и, не удержав его Элли, рухнул бы на пол. Возможно, Артур тоже вскрикнул, хотя сам этого не заметил. Кажется, собственный голос намертво застрял в горле. Гвен, прыгнув к нему на колени, довольно сильно ушибла его округлым бедром, но тут же соскользнула назад, на место. Видимое спокойствие сохранил только Луэллин, оглядывавший гостей, с добродушной насмешкой приподняв брови. На том фильм и закончился. Катушки проектора продолжали вращение, но одна из них опустела, а другая – хлоп-хлоп-хлоп – хлопала о подставку высвободившимся из зажима концом пленки.

Луэллин, хлопнув себя по коленям, качнулся вперед, поднялся с кресла, окинул настенный светильник долгим, задумчивым взглядом. Лампочка не просто взорвалась – почернела, растрескалась, из трещин в колбе струились к потолку шелковистые пряди дыма.

– Ох, Элвуд, ну что за грубости, – проговорил Луэллин и поспешил к выходу.

* * *

В библиотеке воцарилось молчание. Наконец Колин шагнул к проектору и принялся перематывать пленку.

– Когда я смотрел этот фильм в прошлый раз, – заговорил он, – в окно влетела птица и разбилась насмерть. Луэллин говорит, на пленке осталось немножко Элвуда, и он всякий раз шлет привет зрителям ближе к концу.

Донна полоснула его яростным взглядом:

– Это все не вправду. Будь оно правдой, по Си-эн-эн давным-давно раструбили бы... Взять хоть черную штриховку поверх глаз того типа... она же прямо на пленке и намалевана! В жизни не видела такой грубой липы!

Колин протянул ей извлеченную из проектора бобину:

– Пожалуйста. Вот тебе пленка. Гляди сама, проверь, намалевано там что-нибудь или как.

Однако Донна бобины не приняла.

– То есть, о'кей, я верю: что-то в этом да есть. Психологическое оружие... ты же говорил, Луэллин этим и занимался? По-моему, фильм этот снят, чтобы... ну, даже не знаю... чтоб иностранные державы поверили, будто правительство США создает армию духов. Призраков. Чтоб копия этой пленки вроде как невзначай попала за «железный занавес», и Москва навалила в штаны, испугавшись американского арсенала боевых полтергейстов.

– Боюсь, Москва в этом смысле изрядно опередила нас, – заметил Луэллин, вернувшийся в библиотеку с новой лампочкой для светильника. – Боевых духов они разрабатывали еще с пятидесятых. У них это называлось «План “Гоблин”», а разработки свернули в 1965-м, после того как Андреев, их ведущий исследователь, воткнул себе в ухо отвертку. Практически лоботомия... а проделал он это, по словам жены, «чтобы шептунчик наконец-то умолк». Видите ли,

приглашение сверхъестественного в собственную жизнь чревато одной проблемой: оно ведь может остаться с тобой навсегда... Налить кому-нибудь скотча? Ничто на свете не дополняет вкус оккультного лучше, чем глоток односолодового.

– Вот это – «да», – тут же ответил Ван. – По-моему, даже «да, черт возьми».

– Мистер Рен, можно вопрос по поводу кое-чего в конце фильма?

– Слушаю, Гвен.

– Тот человек в темных очках. С каракулями поверх глаз. Он ведь умер... верно?

Стоило ей заговорить об этом, Артур почувствовал, что тоже, едва увидев те черные каракули, понял: чернокожего здоровяка в водолазке нет в живых. И в тот же самый момент это поняли все до единого.

– Джордж Лейн... да. Спустя три недели после съемки этого фильма. Ехал на базу, сбил олененка, выскочившего на дорогу, а тот, пробив лобовое стекло, разmozжил ему копытом голову, – подтвердил Луэллин, раздавая гостям бокалы со скотчем. – После этого Элвуд умолк, хотя... – Вздыхнув, Луэллин кивнул в сторону настенного светильника: – Хотя, как видите, порой ворочается, бормочет во сне.

Первый глоток виски в жизни Артура опалил язык и нёбо, словно драконье пламя.

Глава 9

Исследованиями Кунсткамеры Луэллина да стращением друг друга историями о привидениях их развлечения вовсе не ограничивались. Той осенью они, собираясь вместе, просмотрели множество выпусков «Неразгаданных тайн». Макбрайды, проникшие к «Тайнам» особой любовью, не желали, не могли пропустить ни единого выпуска. Зациклившаяся на нелюдях, уродах, чинивших зло детям, Донна всем сердцем ратовала за самые жестокие наказания для таковых. Смертных приговоров ей было мало: по ее мнению, душегубов-насильников следовало прежде кастрировать, и лучше всего – ржавым мачете. Ван же, напротив, увлекся преступниками, сумевшими благополучно избежать возмездия, вроде Джека-Потрошителя, Д. Б. Купера³⁰ и Унабомбера³¹.

Слушая их двоих, недолго было свихнуться. Ван считал, что учеба в колледжах должна стать бесплатной, а здравоохранение – законной обязанностью государства. Донне хотелось, чтобы Пятерку из Сентрал-парка³² торжественно расстреляли на публике. Прежде Артур полагал, что близнецы должны соглашаться друг с другом во всем. Теперь вся их компания от души забавлялась, глядя на Донну, бессменную председательницу рэкхемского клуба юных консерваторов, и ее точную копию, махрового социалиста, считавшего чересчур правыми даже демократов. Года полтора назад Ван говорил, что на президентских выборах восемьдесят восьмого года проголосует за «технического кандидата»³³, Вилли Нельсона³⁴: Вилли наверняка легализует траву, а налоги с торговли марихуаной пустит на финансирование государственных детских садов. Донна собиралась голосовать за Джорджа Буша – даже дважды, дай ей только такую возможность. В конце концов ни Донна, ни Ван не проголосовали вообще, позабыв зарегистрироваться для голосования в штате Мэн.

– Каковы, по-вашему, шансы, что Унабомбера найдут и схватят? – полюбопытствовал Артур.

– Схватят наверняка, – откликнулся Колин. – Возьмут компьютер, создадут базу данных о нем. Его же выдает все, что бы он ни сделал: и личности тех, кого убивает, и как адрес на посылках надписывает, и материалы, из которых сооружает бомбы... Каждый из нас оставляет за спиной информационный след, будто улитка – дорожку слизи, так что и выследить любого не составит труда.

У Колина имелся «Коммодор 64»³⁵, позволявший общаться с людьми, разбросанными по всему миру. Использовалось для этого устройство под названием «модем», ужасающе пищавшее и визжавшее, стараясь соединиться с другими компьютерами через телефонный кабель, воткнутый в гнездо позади. Артуру его наждачный визг казался голосом будущего – нечеловеческим, идиотским, а главное, громким – настолько громким, что в нем теряются все прочие

³⁰ Псевдоним угонщика самолета, в 1971 г. захватившего пассажирский лайнер и оставшегося неизвестным. Получив выкуп в двести тысяч долларов, преступник выпустил пассажиров, заставил пилотов поднять самолет в воздух и выпрыгнул с парашютом примерно в пятидесяти километрах к северо-востоку от Портленда. Несмотря на продолжительное расследование, завершившееся только в 2016 г., установить личность угонщика или хотя бы выяснить его дальнейшую судьбу не удалось.

³¹ Псевдоним американского математика, социального критика, философа и террориста Теодора Качинского, совершавшего теракты против университетов и авиалиний, рассылая по почте самодельные бомбы, на протяжении семнадцати лет, с 1978 по 1995 г.

³² Скандальное дело об изнасиловании и избиении девушки в Центральном парке Нью-Йорка, якобы совершенном в 1989 г. пятью чернокожими подростками 14–16 лет, оговорившими себя под давлением, но впоследствии оказавшимися невиновными.

³³ То есть кандидата, вписанного в бюллетень для голосования, но не имеющего достаточной поддержки избирателей, чтобы добиться серьезного результата на выборах.

³⁴ Известный американский композитор и певец, исполнитель кантри и ярый сторонник легализации марихуаны, отчего его имя сделалось нарицательным, эвфемизмом, означающим саму марихуану либо ее употребление.

³⁵ Домашний компьютер с 64 килобайтами оперативной памяти, появившийся в продаже в 1982 г.

звуки. Сам Артур, проведя немалую часть осени за копированием данных из каталога на библиотечную айбиэмку, нашел эту работу невыразимо скучной и проникся к подобным машинам искренней неприязнью.

– Ты вправду думаешь когда-нибудь добиться от компьютеров чего-то толкового? – однажды спросила Колина Элли.

– По-моему, предсказывать с их помощью будущее было бы здорово, – ответил Колин.

– А по-моему, способностью к экстрасенсорному восприятию компьютеры обзаведутся не скоро, – заметил Артур.

– А я думаю, надежное экстрасенсорное восприятие у них разовьется куда скорее, чем у людей. Еще немного, и они научатся узнавать нас. Нацелит тебе компьютер в лицо камеру и вычислит, кто ты такой. И с одного взгляда разберется, не опасен ли ты.

– Еще бы, – вмешалась в разговор Гвен. – Взглянет разок, увидит, что твое лицо черное, и тут же вызовет копов.

Артур поднял кверху раскрытую ладонь, и Гвен хлопнула по ней, даже не покосившись в его сторону.

– Компьютеры расистами быть не могут, – с загадочной, слегка иронической улыбкой сказал Колин. – Такое уж точно вещь совершенно немыслимая.

– Ты меня вдохновляешь, Колин, – объявила Элли. – Я тоже хочу научиться проделывать с компьютерами разные разности. Хочу узнавать, как люди поступят, заранее, прежде чем они сделают хоть что-нибудь. Хочу знать, чего они мне не рассказывают. Потому и люблю статистику.

– Да ведь от тебя никто ничего не скрывает, – заверил ее Ван. – Уж я-то – точно. Я – все равно что открытая книга.

– Свои секреты есть у каждого, – возразила Элли. – Не всем же обо всем расскажешь. А я очень любопытная, пусть даже секреты – сущие пустяки. Вот, например, кому секса со мной хочется.

– Всем, – без раздумий выпалил Ван. – Особенно мне.

Его признание Элли пропустила мимо ушей.

– Еще хорошо бы узнать, не растолстею ли я, не затоскую ли. Хорошо бы узнать, чем вы все займетесь после колледжа, останемся ли мы друзьями или мне придется, ожесточившись сердцем, приготовить вас потерять.

– Тебя, Элли, легче представить с бритой головой, чем с ожесточенным сердцем, а значит, нам, наверное, лучше остаться друзьями, – рассудила Гвен.

– Элли собирается творить чудеса с математикой, – заговорила Донна, – а Колин – творить чудеса с компьютерами. Лично я собираюсь попасть на телевидение и стать знаменитостью. А Ван подсядет на наркоту и пустит жизнь псу под хвост. А чем займешься ты, Артур?

– Тем самым, что у него получается лучше всего – тоску смертную будет на всех вокруг нагонять, – ответил за Артура Ван. – Станет специалистом мирового масштаба по древненевгерскому, зазубрит на память древненевгерские тексты о лучших способах выращивания картошки... Все мы с колледжем скоро покончим, а Артур – никогда. Так здесь и останется, только вместо приставания к студенткам будет учить их.

– Но желание к ним приставать никуда не денется, – добавила Донна.

– Нет, – возразил Ван, – для коварства он чересчур скучен. К тридцати от него начнет вонять паутиной. К сорока о нем пойдут слухи, будто он – свой собственный призрак, ну, а со временем он и станет всего-навсего еще одним привидением, обретающимся в каменных подземельях Оксфордского университета.

– Оксфордского? – удивилась Гвен, искоса взглянув на Артура.

– Угу, – промычал он, удивленный, смущенный внезапным взглядом в глаза. На миг ему, как это ни странно, почудилось, будто Гвен здорово приуныла, встревоженная, опечаленная новостями.

– Его отец там профессором был.

– Доном, – уточнил Артур. – В Оксфорде преподав называют не профессорами, а донами.

– И вообще, Артур – тайный британец, ты разве не знала?

– Надо же, а говорит, по-моему, без акцента, – заулыбавшись, заметила Гвен.

– Он только разговаривает как американец, чтобы людей дурачить, но ты ему не верь: у него в венах мармит³⁶ вместо крови. Как-то раз я вообще застучал его дрожащим на англосаксонские корни слов из Большого Оксфордского словаря!

Одним словом, судьбы всей их пятерки казались более-менее ясными, но кем может стать Гвен, вписывается ли она в их компанию, и даже принадлежит ли к ней – обо всем этом оставалось только гадать. Единственная среди них, Гвен не училась в Рэкхеме – господи, да какой там Рэкхем, только школу оканчивала! Наконец-то набравшись мужества выяснить, сколько ей лет, Артур задал этот вопрос Колину во время прогулки по кампусу. Задал будто бы между прочим, из чистого любопытства, но, разумеется, обмануть никого не смог. Макбрайды, шедшие следом за ними, немедленно завывли, заушали, пихая друг дружку локтями.

– Малолетка! Артур малолетку оттрахать нацелился! Так я и знал! – завопил Ван, схватив Артура за плечи и от души встряхнув раз-другой.

– Гвен восемнадцать, – ответил Колин. – В этом штате проблем с законами не возникнет. Но я бы на твоём, Артур, месте совесть этим не успокаивал. Законы – они, видишь ли, не заменяют нравственных норм.

Итак, Гвен оканчивала школу, а остальные учились в колледже, и если бы только это! Еще одна сложность заключалась в том, что Гвен Плебс – «местная». Это можно было понять, едва взглянув на безразмерные мужские фланелевые рубашки, даровые, из благотворительного ящика епископальной церкви. Жила она в Гогане, в городишке, куда благоразумный студент колледжа Рэкхема отправится разве что в поисках «колес», перепиха или неприятностей («Да, в Гогане задаром не катают, – подумалось Артуру. – Трава, бензин, или готовь вазелин»). История всевозможных инцидентов, стычек студентов Рэкхема с местными парнями, исчислялась десятками лет, и Артур прекрасно понимал, что в жизни не столкнулся бы с Гвен даже случайно, не работай ее мать кухаркой и домоправительницей в Терновниках.

Обычно Гвен появлялась в особняке по завершении школьных занятий, чтоб поработать над домашними заданиями в тишине и покое кухни Ренов, пока ее мать заканчивает готовить ужин, а после этого везла мать домой. Зачастую к приходу Артура Гвен уже сидела на островке посреди кухни, над разбросанными вокруг тетрадами и газетой с на две трети решенным кроссвордом. Решать кроссворды она любила – говорила, что это вроде игры в тетрис со словами, и даже компьютера не нужно. Бывало, Артур подсаживался к ней, и они заканчивали кроссворд сообща.

– Ты документы для поступления в колледж готовишь? – однажды спросил Артур, пока они расправлялись с несложным кроссвордом из «Ю-Эс-Эй тудей» (он первым вписал в клетки ответ на «сетку с отталкивающими манерами» – БАТУТ, а Гвен на «шлепанцы аквалангиста» – ЛАСТЫ).

– Я в Кеннебек поступать буду, – пожав плечами, сообщила Гвен.

– В Кеннебеке есть колледж? – удивился Артур, заранее зная, что приличным тамошний колледж оказаться не может никак.

³⁶ Популярная в Великобритании бутербродная паста на основе дрожжевого экстракта, очень соленая, с характерным, узнаваемым запахом.

– Двухгодичный, муниципальный, – подтвердила его подозрения Гвен. – Зато там есть курсы фельдшеров «Скорой помощи». Вот в фельдшеры я и пойду. Этим и хочу заниматься. По-моему, рука у меня для таких вещей – для работы на «Скорой» – достаточно твердая, да и нравится мне помогать людям, когда им страшнее всего. Увезить от страхов туда, где с ними уж точно все будет о'кей. Саму меня напугать нелегко, крови я не боюсь – семья наша вообще, так сказать, не из нежных. Вдобавок я в пробках торчать жуть как не люблю, а на «Скорой» езжай себе хоть по встрече, хоть на красный – слова никто не скажет.

Стоило им вшестером угнестись на подушках перед экраном телевизора с «Неразгаданными тайнами», Артур, собравшись с духом, спросил, не хочется ли ей подать документы в Рэкхем. Вместо ответа Гвен, сдвинув брови, принялась обшаривать карманы мешковатых джинсов.

– погоди минутку, – пробормотала она, сосредоточенно морща лоб.

– Да что ты ищешь-то? – любопытствовал Артур.

– Четверть мильёна долларов, – ответила Гвен, выворачивая пустые карманы. – Угу... нету. Как я и думала. У тебя, наверное, тоже лишней пары сотен тыщ нет?

Действительно, лишних двух сотен тысяч у Артура не имелось. Имелся у него только оставленный отцом доверительный фонд, предназначенный для оплаты образования. Львиную долю этого фонда составляли выплаты по договору о страховании жизни, полученные после смерти отца, погибшего в возрасте тридцати девяти. Лучшим, что Оливер Оукс когда-либо сделал для Артура, стал отказ отправиться в пункт неотложной помощи, после того как он, случайно упав, ударился головой о каменный поребрик. Умер отец от эпидуральной гематомы спустя шесть часов во сне. Отчислений из фонда и неполной стипендии должно было хватить на Рэкхем, а потом и на оксфордский колледж Магдалины. Не то чтоб неисчерпаемое богатство... но и это, увы, превосходило состояние Гвен Плебс во много раз.

– Так ведь твой отец, кажется, работает в Рэкхеме.

Об этом Артур узнал от Колина парой дней раньше.

– В хозяйственном управлении. Он не из профессуры. Из obsługi. А это не одно и то же.

Как «не одно»? Эта мысль здорово зацепила Артура за живое, пробудив в сердце странные, не слишком определенные угрызения совести. Охваченные неловкостью, все они, вся компания, пристально уставились на телеэкран, изо всех сил стараясь не встречаться с Гвен взглядами.

– Вы чего? Поглядите, полюбуйтесь на себя, – продолжила Гвен. – Можно подумать, я вам призналась, что мечта всей моей жизни – жить в трейлере, растить девятерых, а то и десятерых детей, порой подрабатывая в стрип-клубе. У меня тоже кой-какие возможности есть.

– Например, стать фельдшером «Скорой помощи», – подсказал Артур. – Довозить пострадавших живыми до больницы... да, понимаю.

– Или пойти в Уголовную юстицию, – добавила Гвен. – Адвокатом, мне, конечно, в жизни не стать, но помощницей адвоката – возможно. Помогать тем, кто на мели, получить адвокатскую помощь. Работать для тех, кого система всегда списывает со счетов. Или инспектором по УДО... тоже неплохо.

– А что, здорово ведь! – подала голос Элли. – Вот выйдет мать Артура из тюрьмы, сможешь за ней надзирать. По-моему, для вас обоих замечательно будет, с какой стороны ни взгляни.

Собравшиеся ошеломленно умолкли. Элли отнюдь не шутила: слова ее прозвучали совершенно искренне. Только тут Артур и позволил себе осознать, что им всем все известно. Он разговаривал об этом с Ваном, Ван ничего не скрывает от сестры, Донна и Элли живут по соседству – вот так информация безо всяких препон, вроде простуды, достигла и Колина с Гвен. Блеснув глазами, Гвен огляделась, с тревогой взглянула на Артура. Ладонь ее отыскала, стиснула его руку, взгляд спрашивал: «Ты как, в порядке?»

Артур открыл было рот, собираясь ответить... и рассмеялся. Потрясающе! Как это в духе Элли Шайнер! Заговорить о том, что Гвен станет инспектором по УДО, надзирающим за его матерью, будто о превосходной возможности для сближения, наподобие похода за туфельками...

Смех Артура заразил остальных. Всех, кроме Элли, мило наморщившей лоб, не понимая, чем всех так рассмешила. Хохоcha во все горло, друзья рухнули друг на друга, и громче всех хохотал сам Артур, внезапно обнаруживший, что задыхается, точно в рыданиях, а его щеки мокры от слез.

В то время как он все сильнее, безудержнее хохотал, остальные начали умолкать. Легким отчаянно не хватало воздуха. Когда его смех перешел в плач, Артур так и не понял, но в какой-то момент Гвен, выпустив его руку, принялась растирать ему спину, ладонь Донны легла на колено, а Элли, скользнув к нему по ковру, нежно обняла его за шею.

– Вот зараза... вот же зараза, – проговорил Артур. – Простите...

Первым откликнулся Ван.

– Все в порядке, чувак, – откашлявшись, сказал он. – Хочешь верь, хочешь нет, а если б мою мать в тюрьму упекли за ту же чушь собачью, что и твою маму, я б тоже ревел как девчонка.

Собравшиеся снова в ошеломлении замолчали... а потом дружно расхохотались опять – все, даже Артур, хотя с подбородка его до сих пор обильно капали крупные слезы.

Гвен игриво толкнула Вана в лоб.

– Немалый же груз ты на себе таскаешь, Артур, – заговорил Колин, как только хохот утих. – Таскаешь и виду не подаешь. Жаль, мы не можем хоть немного его облегчить. Надеюсь, ты понимаешь: если кто-то из нас сможет хоть чем-нибудь тебе помочь... правда, не знаю, каким манером... короче, мы с тобой.

– Мы с тобой, – подхватила Элли, крепче сжимая объятия.

Одно дело, когда тебя обнимает Элли... а вот объятия Вана – совсем другое. Да еще Донна, втиснувшись между Элли и Ваном, обхватила талию. Так или иначе, Артура обняли все. Кто поцеловал его в темя, Артур так и не понял. Голову он опустил, чтобы никто не заметил, как он сдерживает новые слезы, хотя, скорее всего, друзья и так обо всем знали.

Наконец они, один за другим, отпустили его, и рядом осталась только Гвен, прижавшаяся к нему сбоку, прильнувшая головой к его плечу. Приятные ощущения... куда приятнее, чем он воображал, а это о чем-то да говорило.

– Вот именно, – сказала Гвен. – Понадобимся, чтобы помочь твоей маме с побегом – завтра же подкоп рыть начнем. У моего папки и весь инструмент нужный есть.

– Ну, так далеко заходить вряд ли потребуется, – откликнулся Артур, с облегчением отметив, что его голос тверд, не дрожит, не захлебывается от нахлынувших чувств. – Еще год, каких-то двенадцать месяцев, и она сама выйдет на волю. Повезет – так, может, уже через четыре месяца выйдет.

Если только он не навлечет на себя немилость Джейн Найсуондер и кто-нибудь в «Блэк Крикет» не воткнет Эрин в горло заточку из черенка от ложки. В таком случае мать покинет тюрьму гораздо, гораздо раньше.

На носилках. Или вовсе в мешке.

Глава 10

Утром Хэллоуина, кануна Дня Всех Святых, Артур почти четыре часа украшал библиотеку Брукса к вечеринке «Духи Шекспира», традиционному ежегодному празднеству, устраивавшемуся в Рэкхеме с пятидесятих годов. К тому времени, как он и прочие студенты-библиотекари завершили работу, коридоры и залы озарило таинственное мерцание электрических свечей, на книжных стеллажах повисла искусственная паутина. С заходом солнца на балконах и в укромных сумрачных уголках появятся ребята из драмкружка, под нервное хихиканье публики, толпящейся в полутьме, представляющие зловещие сцены из «Гамлета» и «Макбета». Узнавший, что Артур на праздник не собирается, Ван просто-таки остолбенел – наверное, в такой ужас его не привела бы даже новость о смерти Джонни Кэша³⁷. «Духи Шекспира» считались одним из популярнейших праздников Рэкхема, и библиотека без Артура вечером накануне Дня Всех Святых показалась ему чем-то наподобие Ватикана без папы в Пасхальное воскресенье.

– Мы же все идем! – воскликнул Ван. – Элли с Донной собираются тайком провести туда Гвен, одетую распутной ведьмой или еще кем-то вроде... и ты мне втолковываешь, будто сможешь такое пропустить? И ради чего? Чтобы весь вечер просидеть дома, заучивая «Словарь скребла»?

Конечно, Артуру совсем не хотелось, чтоб Гвен веселилась вместе со всеми без него. Однако, украв из библиотеки книг на две тысячи долларов, он не мог оставаться в ее стенах ни минуты сверх необходимого. Теперь у него аж зубы ныли, стоило только войти в холл. Казалось, библиотека сделалась для него вредоносной... хотя нет, нет, наоборот. Не библиотека Артура – сам Артур отравлял библиотеку своим присутствием, загрязнял чуть сильнее всякий раз, пряча в рюкзак очередную книгу для Джейн.

По пути домой он завернул в «7-11»³⁸. Разумеется, к вечеру полки с конфетами вымели подчистую. Прошерстив остатки, Артур наскреб большой пакет «Сахарных орешков». Дома он наполнил конфетами глубокую миску, миску выставил на крыльцо в надежде, что ребяташки, угостившись самостоятельно, не станут его тревожить, а сам, как обычно, устроился в кухне и принялся отшлифовывать очередной перевод.

Вскоре после того, как за окном стемнело, в дверь постучались – настойчиво, резко, и Артур отодвинул в сторонку экземпляр «Эксетерского кодекса»³⁹. «Сахарных орешков» осталось еще с полпакета, и Артур прихватил конфеты с собой, рассудив, что миска, по-видимому, опустела, а современные ребяташки на глазах превращаются в поросят.

Вот только за порогом обнаружилась вовсе не ватага детишек. На крыльце Артура ждала вся корпорация «Тайна» в полном составе: Фред, Дафна, Шэгги, Скуб и, конечно же, Вельма. Роль Вельмы Динкли (пушистый морковно-рыжий свитер, плиссированная юбка до середины бедер, оранжевые чулки по колено) играла Гвен. Глаза ее лучились весельем сквозь линзы очков – точно таких же массивных, в угловатой черной оправе, как у мультяшной Вельмы.

– Ух ты, – заговорила она, – а мы-то ищем того, кто подсказку даст! Мамочки, неужто мы не по адресу?

Элли замахала руками, запрыгала от восторга. В костюме Фреда она выглядела просто великолепно: оранжевый шелковый галстук-бабочка на шее, широченные клешы, сандалии

³⁷ Американский певец и композитор-песенник, ключевая фигура в музыке кантри.

³⁸ «Сэвен-Илэвен» – популярная американская сеть магазинов, работающих с 7 утра до 11 вечера.

³⁹ Также – «Эксетерская книга», рукопись X в., одно из самых известных собраний англосаксонской литературы; объединяет около 120 памятников дидактической, религиозной и лиро-эпической поэзии, написанных в разное время, с VII до X в.

на толстенной платформе, по-мальчишески короткие светлые волосы зачесаны назад, как у Фреда.

– Опаньки! – воскликнула она. – Чудесный у тебя костюм, Артур! Ты одет в точности как человек, совершенно не умеющий веселиться!

– Гос-споди Иисусе, – простонал Ван, повисший на локте Элли. – Ты что, ни одной серии «Скуби-Ду» не смотрела? Это как же тебя в детстве-то обездолили? «Опаньки» – словечко Шэгги!

Благодаря медно-рыжему парикю до плеч, фиолетовому платью и вульгарным черным чулкам Артур поначалу принял Вана за Донну.

– Ну, ты бы не строил из себя крупного специалиста по «Скуби-Ду», расхаживая в сетчатых чулках, – заметил Артур. – Дафна таких чулок не носила сроду.

– А теперь носит, – парировал Ван. – Как по-твоему, откуда у них деньги на такой развеселый стиль жизни?

– Фреду Джонсу ни к чему торговать телами подружек, – возразил Колин, выглядевший совершенно естественно, самым собой, даже в костюме мультяшного немецкого дога (лицо его торчало наружу из-под челюсти Скуби). – Их ЦРУ содержит. Отчего, по-твоему, вся эта корпорация «Тайна» может общаться с собакой? Все они – участники секретной программы «МК-Ультра», напичканные экспериментальными психотомиметиками до такой степени, что с ними уже животные разговаривают.

Войдя в дом, друзья отыскивали путь к спальне Артура, когда-то, в минувшую эру, служившей кому-то гостиной. Теперь гостиной служила половина комнаты, занятая креслами-подушками, разложенными вокруг небольшого телевизора «Зенит», принадлежавшего Артуру. Ван, не спрашивая разрешения, щелкнул клавишей. На экране возник Фредди, заваливающий улицу Вязов частями расчлененных тел. Донна, потянув Колина за поводок, ввела его в комнату и усадила на подушку рядом с собой.

Ван, растянувшись на животе, лениво забарабанил по собственному заду прозрачными каблуками стриптизерских туфель.

– Ребята, скажите честно: Элли там мою копилку разглядывает? Ведь всю дорогу, всю дорогу сюда взглядом меня раздевала! Я аж балдею: кажется, раньше она никогда на меня так не пялилась.

Гвен пришлось от души похлопать Элли, поперхнувшуюся «Сахарными орешками», по спине. Удары ладонью между лопаток прозвучали, точно стук кулаком в дверь... продолжившийся и после того, как Гвен остановилась. Артур, выхватив у Донны пакет «Сахарных орешков», отправился разузнать, кого к ним принесло на сей раз.

Отворив парадную дверь, он шагнул за порог. На крыльце его ожидала троица троллей – пара парней и девчонка, причем давно переросшие «сладости или гадости». Мало этого, девчонка оказалась явно беременной: ее дешевая пурпурная безрукавка туго обтягивала живот, выдававшийся вперед, будто парадное крылечко. Лица всей троицы скрывали одинаковые резиновые маски. Из кожистых, злобно ощеренных пастей торчали клыки, высокие лбы бугрились, как у чудовища Франкенштейна.

Впереди всех стоял худой, жилистый парень с узкими бедрами фехтовальщика, в майке под джинсовой курткой. В опущенной руке, у бедра, он держал томик в твердом переплете, чему Артур, не ожидавший, что средний любитель «сладостей или гадостей» прихватит на промысел книгу, здорово удивился. Наклонив голову, он прочел название: «Лоскутушка из страны Оз», отгиснутое на корешке... и в груди его, разрастаясь, зашевелился тошнотворный, парализующий холодок.

К тому времени, как Артур сообразил, что парень перед ним – вовсе не парень, Джейн Найсуондер, бросившись на него, снизу вверх ударила его в лицо книгой. Отшатнувшись, Артур потерял равновесие, и Джейн ударила его книгой снова – на сей раз по носу, плашмя.

В носу что-то хрустнуло. Не удержавшийся на ногах, Артур сел, захлопал глазами, смаргивая слезы.

Присев на корточки, Джейн взглянула ему в глаза, помахала перед носом книгой и подняла маску на лоб, подцепив ее нижний край большим пальцем. Под маской лицо Джейн покраснелось, как свекла.

– Эт че за херня? «Лоскутушка из страны Оз»? Даже не подписанная? Моя бостонская покупательница тридцать баксов за нее предложила. Тридцать, мать твою, баксов! Да это бензина до Бостона и обратно, считай, не окупит, а нам шестьдесят кусков нужно, придурок!

С этими словами Джейн снова хлестнула Артура книгой, да так, что голова мотнулась вбок.

Артур кое-как прикрыл лицо локтем, но тут Ронни ухватил Джейн за запястье и поднял на ноги.

– Кончай, детка. Погляди на него. Разревется же щас. Пацан еще, че возьмешь...

Рассыпавшиеся из оброненного Артуром пакета «Сахарные орешки» раскатились по крыльцу. Нагнувшись, Ронни поднял конфету и ловко забросил в рот.

– Ух ты, вкусные! Точно хэллоуинские крекеры!

Артур нетвердо поднялся на ноги. Тут противомоскитная дверь за его спиной распахнулась, и вышедший на крыльцо Колин удивленно заморгал, глядя на троллей сквозь дыру в груди Скуби.

– Что тут у вас, ребята?

Шагнув вперед, Джейн ухватила его за свисающий с шеи поводок и рванула к себе. Не ожидавший этого Колин чуть не упал на нее, но Джейн тут же толкнула его назад. Не устояв на ногах, Колин отлетел к стене и упал на крыльцо, в россыпи «Сахарных орешков».

– Эт кто еще? – прорычала Джейн.

– Кавалерия из-за холмов, мать твою, – откликнулась появившаяся в проеме двери Донна, переводя взгляд с Колина на Джейн. – Ты, сучка, маску надень обратно, а то напугаешь кого.

– Артур, что с тобой? – встревоженно спросила Гвен, протискиваясь к Артуру мимо Донны.

Из-за плеча Донны наружу выглянула вышедшая в прихожую Элли.

– Я вызываю полицию, – объявила она и направилась к телефонному аппарату в дальнем углу прихожей.

Джейн бросилась следом. Донна заступила ей путь, и Джейн с маху ударила ее корешком книги по горлу. Донна, схватившись за шею, закашлялась, захрипела, качнулась назад и рухнула прямо на Колина, не успевшего подняться на ноги.

Не успела Элли сделать и пары шагов, как Джейн ухватила ее за галстук и поволокла на крыльцо. Засеменив за нею, Элли успела сделать около трех шажков, а потом, зацепившись платформой сандалии за дверной косяк, упала навзничь, придавив Колина с Донной.

Джейн остановилась над ними, любуясь копошащимися у ее ног студентами колледжа, и тут к ней из темной прихожей кинулся Ван. С разбегу врезавшись правым плечом в костлявую грудь Джейн, он отшвырнул ее к Ронни. Оброненная ею книга отлетела далеко в сторону. Жилистая, худая, от силы ста пятнадцати фунтов весом, на ногах Джейн устоять не смогла, обмякла, как будто собравшись сесть, но Ронни удержал ее, обхватив левой рукой за талию. Тем временем его правая рука, выскользнув из-за спины, направила Вану в лицо автоматический пистолет.

– Полегче, ковбой, – процедил Ронни.

Глаза Джейн остекленели, затуманились. Почувствовав, что она твердо стоит на ногах, Ронни отпустил ее.

Всерьез испугавшийся, Ван поднял руки, развернул ладони наружу, на щеках его проступили пятна.

– Эй, чувак, ты в уме? С оружием шутки плохи.

Джейн сделала шаг к нему:

– Храбрый, значит? Женщин толкать? Яйца железные, да?

Запустив руку Вану под юбку, она сжала его мошонку изо всех сил. Ван судорожно свел согнутые колени, склонился вперед, тоненько заскулил.

– Ан нет, не железные. Мягкие, как мармеладинки!

Стоило Джейн разжать руку, Ван опрокинулся на крыльцо, да так, что оконные стекла вздрогнули, задребезжали.

– Фреда проверь, Джейн! По-моему, у него сиськи! – воскликнул Ронни.

Выползшая из кучи-малы Элли оказалась на четвереньках прямо у ног Ронни и одарила его обаятельнейшей из улыбок.

– Послушай, – заговорила она, – будь так добр, направь эту штуку еще куда-нибудь, о'кей?

Ронни сунул пистолет за пояс джинсов, пристроив его поудобнее у поясницы. Тана до этой самой минуты не проронила ни слова и даже не шевельнулась, однако сейчас сдвинула с лица маску и, покопавшись в грошовой сумочке розового пластика, протянула Гвен пачку бумажных носовых платков.

– Утри ему нос, – пояснила она, кивнув в сторону Артура.

Артур, в изумлении оглянувшись, перевел взгляд с ее выпирающего живота на симпатичное, веснушчатое, курносое личико.

– Спасибо, Тана, – откликнулась Гвен. – Перелома, по-моему, нет. Колин, Донне как дышится?

– Более-менее. А ты с ней, значит, знакома? – любопытствовал Колин, растирая спину перхающей Донны и кивком указав на Тану.

– Вместе работали в «Данкин донатс»⁴⁰ пару лет назад, – объяснила Гвен.

– Там, в «Данкин донатс», Тана такую корму сдобную и наела, – добавила Джейн, хлопнув сестру ладонью под зад.

Если Тану это хоть сколько-нибудь и задело, на лице ее не отразилось ни злости, ни раздражения – нет, она попросту смерила Артура спокойным, задумчивым взглядом. Чтобы взглянуть ей в лицо, пришлось скосить глаза вниз, вдоль линии носа: подбородок-то кверху задран, Гвен затыкает ноздри салфетками...

– Артур, – заговорила Тана. – Я все знаю. Уже довольно давно: дело-то очевидное. Вижу: ты стараешься не украсть из библиотеки ничего слишком ценного. Не натворить чего-то вправду ужасного. Но, ты уж поверь мне, лучше дойти до конца. Просто закрыть глаза, сделать, что от тебя требуют, и оставить все в прошлом. Не думай лишнего. Попривыкнешь маленько, и – будто бы не было ничего.

– Эй, детка, – перебил ее Ронни, взглянув на Элли. – Не в службу, а в дружбу: собери-ка нам «Сахарные орешки» в мешок? Вкусные, зар-раза! С собой заберем.

Элли принялась ползать на четвереньках, собирая «Сахарные орешки». Ронни с улыбкой окинул взглядом ее зад.

Донна вскинула голову. Щеки ее набрякли, вспухли, черные ресницы слиплись от слез. Колин приобнял ее за плечи, чтоб поддержать, успокоить, а может, и удержать на месте – этого Артур понять не сумел.

– Прекрати подбирать эту дрянь! – с болезненной хрипотцой в голосе завизжала Донна. – Прекрати перед ними ползать!

⁴⁰ Американская международная сеть кофеен с подачей пончиков, бутербродов и другой выпечки.

Но Элли не обратила на ее крики никакого внимания. Закончила собирать «Сахарные орешки» и, не поднимаясь с колен, протянула пакет Ронни, причем лицо ее оказалось вровень с мотней его джинсов.

Ронни, взяв Элли за подбородок, запрокинул назад ее голову, а свободной рукой забрал пакет с «Сахарными орешками».

– Вот спасибо, сладенькая. Эти штучки почти такие же сладкие, как ты сама.

С этими словами Ронни опустил руку, и Элли отползла к Вану, скорчившемуся в позе зародыша на боку, уложила его голову к себе на колени. Парик Ван давным-давно потерял.

– Завязывай с мелочовкой, Арти. Завязывай с этим говном, – процедила Джейн. – Гляди, к следующему разу, когда Тана заедет забрать товар, приготовь ей книги, ценящиеся на вес золота. Не приготовишь, сам знаешь, что с твоей мамочкой будет.

– Вот же мрази-то, – прохрипела Донна. – Вот же отвратные людишки...

– Куча народу становится монстрами только раз в году, – заметила Джейн, натягивая маску тролля на подбородок, – а зря. Вправду зря. Жить монстром всю жизнь – оно, скажу я вам, куда как веселее.

Глава 11

Все собрались в полутьме спальни Артура, телевизор выключили, и Гвен позаботилась о каждом. Ускользнув в кухню, она вернулась с пактом замороженных кукурузных зерен для пострадавших яиц Донована. Уложенный навзничь посреди комнаты, Ван примостил голову на колени Элли и прижал пакет к паху побледневшей ладонью. Тогда Гвен снова скрылась и пару минут спустя вернулась с пузырьком «Адвила» и еще одним, с «Тайленолом»⁴¹. Донна и Ван проглотили по паре того и другого, а Артур удовольствовался тремя таблетками «Тайленола». Запили лекарства баночным «Милуокиз Бест», любимым – в основном из-за грошовой цены – пивом Вана.

– Знаете, чем «Милуокиз Бест» похоже на секс в каноз? И то и другое охренеть как близко к воде.

В устах Колина «охренеть» прозвучало не столько как ругательство, сколько как технический термин. Возможно, поэтому никто и не рассмеялся.

Гвен, усевшись на кресло-мешок, уложила Артура между раздвинутых ног, спиной к себе, затылок его пристроила к себе на плечо, к носу приложила полотенце со льдом и время от времени снимала компресс, чтобы он мог говорить. Так он гнусаво, невнятно рассказал друзьям о Найсуондерах, о своей матери и о кражах книг из библиотеки. Казалось бы, вечер выдался – хуже некуда, но, стоило выговориться, на душе полегчало. До нынешнего вечера Артур даже не сознавал, как тяжело, как утомительно иметь дело с Найсуондерами в одиночку.

Слушая его, Донна то и дело откашливалась. Негромкий, мокрый, ее кашель здорово походил на всхлипывания.

– Хочешь чаю с лимоном и медом? – спросила Гвен. – От горла хорошо помогает.

– Если я чего и хочу, то не чаю, – вполголоса просипела Донна. – Хочу я подловить этих жутких ублюдков на федеральной трассе... швырнуть им кирпич в лобовуху с надземного перехода... и поглядеть, как они на семидесяти милях в час с дороги слетят...

– По-моему, засады на надземных переходах – не самый эффективный способ разделаться с человеком наподобие Джейн Найсуондер, – заметил Колин.

– А сам ты, Колин, что б сделал? – полюбопытствовала Элли.

– Что б сделала ты, Элли, я уже видела, – прорычала Донна, прежде чем Колин успел хоть что-то ответить. – Ты бы этому типу отсосала с проглотом и еще спасибо сказала. Господи Иисусе... ползать на четвереньках, собирая ему «Сахарные орешки»... скажи, на кой ты это сделала? На кой перед ним унижалась?

– Чтоб они вас больше не трогали, – объяснила Элли.

– Ну так мне ни защита твоя не нужна, ни чтоб ты его в зад целовала, после того как он... после того как он...

Тут Донна, осекшись, умолкла, ущипнула себя за переносицу, скрипнула зубами, изо всех сил сдерживая слезы. Чтоб кто-то сдерживал слезы вот таким образом, на чистой злости, Артур не видел еще никогда.

– В полицию сообщать – это, как я понимаю, исключено, – пробормотала Элли.

Ван подтвердил ее догадку, отрицательно замычав.

– Да, о полиции, думаю, и разговора не может быть, – согласился Артур. – Колин, как поступил бы ты?

– Заплатил бы – и дело с концом, – ответил Колин. – Если бы твоей матери предстояло сидеть еще лет десять, тогда дело другое, но она же выходит... напомни, Артур, когда? Через год?

⁴¹ Популярное в США болеутоляющее средство.

– Да, через год. Если чуть повезет, даже раньше. В феврале у нее слушания. Возможно, условно-досрочного она и не получит... хотя это, по-моему, вряд ли. Она же и клуб любителей чтения там собрала, и в духовных напутствиях желающим не отказывает... считай, скорее тюремный социальный работник, чем заключенная.

– Выходит, впереди у нас от четырех месяцев до года, – рассудил Колин. – Тогда мой тебе совет: откупись от этих Найсуондеров. А я помогу. В этом месяце могу четыре куса подкинуть – отложил тут кое на что, и еще по шесть сотен долларов каждый месяц, пока твоя мать не окажется на свободе.

– Ё-о, чувачок, – испустив страдальческий вздох, заговорил Ван, – откуда ты собираешься добывать по шесть сотен долларов каждый месяц?

– Из карманных денег, – объяснил Колин.

– Тебе на карманные расходы по шесть сотен в месяц положено?

– Нет... скажем так, несколько больше, – ответил Колин. – Получаю я по две сотни долларов в неделю. Но кое-что придется оставлять себе, на текущие нужды, хотя бы во избежание неудобных вопросов от деда.

– А я тысячу в месяц могу подкидывать, – сообщила Элли. – Больше с кредитной карты не снять: отец расшумится.

– А я тебе, Артур, ни бакса дать не смогу, – вздохнул Ван. – Похоже, мне на лечение раздавленных яиц потребуется все до последнего цента.

Артур хотел было сказать, что не сможет взять у них деньги, однако его опередила Гвен:

– Мне вот интересно... как вы все в колледж ухитрились попасть?

– Что? – удивилась Донна.

– Я думала, в Рэкхем только умных берут, – пояснила Гвен. – Вы что, вправду не врубаетесь? Они ж возьмут ваши деньги, а Артуру скажут: давай-ка, таскай нам книги и дальше.

– Зачем бы это? – не понял Колин.

Пожалуй, в этот момент Артур впервые увидел его растерянным.

– Да для забавы, – ответила Гвен. – Потому что балдежно! Думаешь, они так на шестидесяти тысячах долларов и останутся? Не отвяжутся они от Артура, пока его мать не отпустят: на воле-то ее попробуй тронь... Короче, Артур, не давай им ничего сверх того, что потребуют. С такими людьми торговаться – дело гиблое.

– Однако чем-то помочь Артуру все-таки надо, – заметила Элли. – Верно я говорю?

– Вы уже помогаете, – заверил ее Артур. – Как я, по-вашему, последние восемь недель жизни смог одолеть? И как, по-вашему, еще восемь недель проживу, воруя книги на шестьдесят тысяч долларов для этой парочки орков?

Возражений ни у кого не нашлось. Гвен, наклонившись вперед, легонько поцеловала Артура в макушку. От невесомого прикосновения ее губ к волосам по всему телу пробежала волна дрожи.

– Ну, эмоциональная поддержка – само собой, однако мы можем сделать и еще кое-что, – сказал Колин.

– Что же? – уточнил Артур.

– Позаботиться, чтоб тебя наверняка не застукали, – пояснил Колин.

Но тут Ван спросил, не поможет ли ему Элли добраться до туалета, а то тошнит жутко, а Донна принялась зло, горстями, срывать с лица фальшивую бородку Шэгги, а Гвен потребовалось сбегать за свежим льдом для носа Артура, и Колину так и не выпало случая рассказать, что он придумал.

Глава 12

В следующую среду, после обеда, Артур, как обычно, явился на дежурство в библиотеку Брукса. Воспользовавшись первым же затишьем, он оставил у стойки выдачи книг одного из студентов-библиотекарей, а сам поднялся по кованой винтовой лестнице на французский балкон этажом выше и вошел в прохладный тенистый зал, почти ни в чем не менявшийся более сотни лет. Вдоль стен по обе стороны зала тянулись книжные стеллажи. В отличие от остальных фондов библиотеки, систематизированных согласно «Десятичной классификации» Дьюи, здесь стеллажи украшали таблички: «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», «БИОЛОГИЯ», «ИСТОРИЯ» и так далее. Окнами служили узкие амбразуры в каменных стенах трехфутовой толщины. Засев здесь, нормандский лучник с полным колчаном и Библией под рукой без труда отразил бы набег целой шайки викингов. Некогда весь этот холодный камень действительно уберег, спас хранилище, только не от скандинавских разбойников, а от пожара 1840 года, превратившего прежний, старинный Рэкхем – всю прочую его часть! – в триста акров выжженной земли.

Благодаря таким крохотным, просто-таки средневековым оконцам полумрак в особом фонде царил даже среди бела дня. Внутрь (и наружу) вела лишь одна дверь. Самые ценные раритеты хранились в запертом и зарешеченном шкафу посреди зала, возле ореховой колонны. Решетку составляли толстые, сплюснутые и сваренные крест-накрест железные прутья. К этому шкафу Артур не стал даже приглядываться. Из него он не собирался брать ничего... по крайней мере, в тот день.

Находиться в особом фонде Артур имел полное право. Мало этого, ему даже следовало провести здесь хотя бы часть смены, завершая ежегодную ревизию и копируя обновленный каталог особого фонда в айбиэмку, установленную на библиотечном столике в углу зала. Остановившись рядом, Артур щелкнул массивной клавишей на задней панели компьютера. Пока машина, жужжа, прогревалась, он прошелся вдоль стеллажа с «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ» и вскоре нашел, что искал – первое издание «Белого Клыка» со слегка побуревшим корешком, с россыпью черных пятнышек (возможно, плесенью) на задней стороне обложки и с автографом самого Джека Лондона на титульном листе. Осмотр раздела «СПОРТ И ТУРИЗМ» принес плоды в виде первого, малотиражного издания «Искусного рыболова»⁴² в оригинальном косвеевском переплете⁴³. Укладывая книги в рюкзак, Артур не сводил взгляда с амбразуры ближайшего окна. Старинное стекло покрылось капельками дождя. Казалось, пока его правая рука совершает кражу, все прочие части тела заняты совершенно другими делами...

Спустя шесть часов, к окончанию дежурства, дождь так и не унялся. Из библиотеки Артур вышел с книгами на восемь тысяч долларов в рюкзаке. У обочины рокотал на холостых «Кадиллак» сорок девятого года, роскошный вишневым кабrioлет с поднятым верхом. Из-за опущенного бокового стекла со стороны пассажира струился наружу полупрозрачный шелковистый дымок. Машину Луэллина Артур уже видел раз или два, в Терновниках, но посидеть в ней до сих пор случая не выпадало. Стоило ему подойти вплотную, Ван выбрался с пассажирского места, откинул спинку кресла вперед, и Артур, пригнув голову, влез на заднее сиденье, к Донне с Элли.

⁴² Самое известное из произведений Исаака Уолтона – стихотворно-прозаический трактат о рыбной ловле, впервые изданный в середине XVII в.

⁴³ Вид кожаных переплетов, украшенных вставными рисованными миниатюрами, впервые появившийся и вошедший в моду в начале XX в. Название происходит от фамилии Ричарда Косвея, английского художника-миниатюриста конца XVIII – начала XIX в. Именно первый выпуск «Искусного рыболова» в таком переплете автор и имеет в виду.

Усевшись обратно, Ван звучно захлопнул дверцу. Рядом с ним, в кресле водителя, сидел Колин с солидной толщины косяком в руке – этот-то косяк и заполнял салон приторным, перечно-едким дымом.

– Дунуть хочешь? – предложил Колин, протягивая косяк за спину, в сторону Артура. – Синяя. Один из крепчайших сортов каннабиса.

О синей марихуане Артур сроду не слышал, да и все прочее, сказанное Колином, прозвучало будто на чужом, почему-то совершенно незнакомом ему языке. Рассмеявшись, он здорово удивился себе самому: казалось бы, до смеха ли в такой день, но вот поди ж ты! Беззаботный энтузиазм Колина, его едва ли не профессорское стремление делиться знаниями, цитировать статьи из мысленной энциклопедии диковинного пополам с обыденным – все это ободряло Артура так, что словами не передать.

– Спасибо, я – пас, – ответил он Колину.

Донна, забрав косяк себе, развалилась на старом кожаном сиденье и глубоко, решительно затянулась.

– Традиционные добродетели? – оглянувшись на Артура, любопытствовал Колин.

– Увы. Не боязно тебе, что дед унюхает?

– А где я, по-твоему, траву беру? Дед и снабжает... а сам получает напрямую от правительства США.

– Да ну? – хором усомнились Артур с Донной.

– Ну да. Наше правительство – крупнейший коноплевод в Северной Америке. А дедушка курит траву для аппетита.

– Вот оно как, – пробормотал Артур. – То есть он болен чем-то?

– Да, – подтвердил Колин. – У него СПИД.

Глава 13

Под вечер следующего воскресенья Тана явилась к Артуру с коробкой пиццы и пакетом из коричневой оберточной бумаги и в той самой кенгурушке с портретом Бико. На два размера больше, чем нужно, кенгурушка болталась на ней мешком. Сейчас, глядя на Тану, Артур в жизни бы не подумал, что она беременна.

Отступив в сторону, он пропустил Тану с пищей через прихожую, на кухню. С тех пор как он занялся грабежом особого фонда (или «Сокровищницы») библиотеки, ему обычно кусок в горло не лез, однако из-под крышки коробки сочился наружу ароматный парок, аппетитный запах расплавленного сыра и соуса...

– Ван дома? – спросила Тана.

Артур отрицательно покачал головой. Говорить сделалось трудно: горло перехватило от нахлынувших чувств еще в тот момент, как он, отворив дверь, обнаружил на крыльце Тану.

– Плохо дело, – заметила она. – Такое чувство, что этот парень жуть как не любит упускать халяву. Ладно, придется съесть без него. Чем запить, тоже найдется.

С этим Тана извлекла из бумажного пакета упаковку с шестью банками «Микелоб» и водрузила пиво на стол, возле «Белого Клыка» и «Искусного рыболова». Протянув вскрытую банку Артуру, она звучно откупорила вторую и сделала долгий глоток. О том, что беременным выпивать не стоит, Артур напоминать не стал.

– Жалко, что сестра моя вам Хэллоуин испортила, – заговорила Тана. – И ведь вся эта хрень – из-за меня. Прости, что ли...

Прислушавшись к себе, Артур обнаружил, что не испытывает никаких чувств. Ни радости по поводу ее извинений, ни злости, ни безысходности. В эту минуту он открыл для себя, что прячется за злостью и безысходностью. Оцепенение. Эмоциональная глухонмота.

– Между прочим, кенгурушка с Бико, что сейчас на тебе, мамина, – заметил он, указав в сторону кенгурушки банкой пива.

«Надо же, – отстраненно, безо всякого интереса, подумал он, – как один-единственный поступок, вроде бы и совершенный-то исключительно из вежливости, может перевернуть всю жизнь!» Не предложи он Тане эту кенгурушку – и вором не стал бы, и на кухонном столе рядом с коробкой пиццы не лежали бы редкие книги общим счетом на восемь тысяч долларов...

– А, ну да. Точно, – вспомнила Тана, опустив взгляд и оглядев кенгурушку. – Забрать хочешь?

Не дожидаясь ответа, она сдернула кенгурушку через голову, и ее футболка тоже задралась вверх, обнажая нежно-розовую округлость живота. Мало этого, верхняя пуговица ее джинсов оказалась расстегнутой, так что Артур смог разглядеть даже полоску шелковых черных с розовым трусиков.

Тана, заметив, как он таращится на нее, улыбнулась. В ее легкой, едва затронувшей уголки губ улыбке чувствовалось нечто наподобие смущения пополам с любопытством. Чуть поразмыслив, она сдернула с себя и футболку, бросила ее на стол, поверх книг, и осталась в одних джинсах да лифчике.

Оглядев ее, Артур наконец почувствовал кое-что – внезапный, острый всплеск вожделения, но не простого, а смешанного с чем-то едва ли не сродни скорби. Еще ему сделалось стыдно – стыдно за то, что пялится на полураздетую Тану, не говоря уж о желании протянуть руку и сдернуть с нее поношенные денимы.

– Это Джейн тебе велела? Распорядилась подкинуть кой-чего, чтобы на привязи меня держать, да? – спросил он.

– Тебе не все равно?

Подцепив большими пальцами петельки джинсов, Тана все с той же легкой улыбкой качнула бедрами: гляди, дескать, гляди.

Артуру очень хотелось, требовалось быть человеком, которому не все равно. Возможно, он даже был таким человеком всего какую-то пару месяцев тому назад.

Однако теперь Артур к людям такого сорта уже не принадлежал. Потянувшись к поясу ее джинсов, он привлек Тану к себе.

* * *

В какой-то момент они добрались до кресел-подушек в спальне Артура – до той самой подушки, на которой в ночь накануне Дня Всех Святых сидела Гвен. После того как оба кончили, Артур скатился с Таны и уселся на пол, а Тана вытянулась во весь рост, скрестив ноги в щиколотках. Носков она так и не сняла, но все прочее – и джинсы, и трусики – осталось на пороге комнаты. Снаружи стемнело, за окном зажегся фонарь, и дальнюю стену усеяли россыпи теней дождевых капелек на оконном стекле.

Со сколькими мужчинами Тане пришлось переспать по указке Джейн Найсуондер? Стал ли одним из них и он, Артур? Обо всем этом оставалось только гадать. Хотя... велика ли разница? Его избивали, запугивали, шантажировали, и после всего этого он чувствовал, что заслужил хоть что-нибудь для себя. Потому и взял Тану – то есть что сумел взять, – но тут же заволновался, не стал ли таким же мерзавцем, как Джейн или Ронни. Обоих он ненавидел не первый месяц, а теперь мог с тем же успехом возненавидеть себя самого.

– Тебе вправду приходится спать с разными людьми, потому что твоя сестра должна им денег?

– И не только, – ответила Тана.

Друг на друга они не глядели. Поднявшись, Артур, как был голым, сходил на кухню, за пивом, и вернулся назад.

– Потому мы... это и сделали?

Так или иначе, а оставить вопрос невыясненным Артур не мог – не мог, и все тут.

– А сам-то как думаешь? – принимая протянутую им банку, хмыкнула Тана. – Ох... Надеюсь, это не девочка.

Понять, что речь о ее малыше, Артуру удалось не сразу.

– Сбежала бы я от Джейн, – продолжила Тана, – только не знаю, на что мы жить будем. Развозя пиццу, на съем жилья не скопить, да и деньги Джейн все равно забирает. Большую часть. Кое-что я все же заначила.

Глотнув пива, она тяжело вздохнула.

– Бывает, я думаю, что все будет о'кей. Бывает, думаю, что кто-нибудь замочит Джейн и все станет о'кей. Кто-нибудь, кому она денег должна... А может, кто-нибудь к ней со стволом вместо денег за дурью явится, и тогда плохи наши дела. Когда на душе погано становится, я всякий раз вспоминаю, что все это может кончиться в любое время. Может, ее кто-то замочит, а может, она прикончит меня.

– А что, если тебе в полицию обратиться? – предложил Артур.

Тана расхохоталась – сухо, язвительно – и не удостоила вопрос ответа.

– Значит, девочку ты не хочешь? – полюбопытствовал Артур, решив сменить тему.

– Не хочу, – подтвердила Тана. – Не хочу я девчонку родить, чтоб сестра ее с одиннадцати лет под разных козлов подкладывала. Пускай лучше родится мальчишка. Пускай Джейн попотеет, придумывая, как делать деньги на маленьком мальчике.

– То есть отец помогать вам не собирается? – спросил Артур.

– Так знать бы еще, кто он, – со вздохом пробормотала Тана. – Надо сперва поглядеть, не черный ли парень. Лишних отсеять...

С этим она рассмеялась – невесело, без капельки юмора.

– Надеюсь, это мальчишка и жизнь он потратит на что-то хорошее. Станет кошек с деревьев спасать, а не вилять вбок, чтоб задавить еще одну. Так Ронни делает. Даже счет ведет на «торпеде»: два очка за кошку, четыре за пса.

В оконные стекла снова негромко забарабанил дождь.

– Если с Гвен Плебс у тебя срастется, – внезапно сказала Тана, – держи, чтоб не вывернулась. Не ушла. Это ж она в том году, когда мы вместе работали в «Данкин донатс», моим Секретным Сантой⁴⁴ была. Пару новых кроссовок мне подарила. Лучший подарок за всю мою жизнь. Остальные-то все получили кто дребедень какую-нибудь, чисто для смеха, кто подарочные карточки на пять долларов, а я... я разворачиваю новенькие, с иголки, «Рибоки»! Это Гвен заметила, что старые мои тапки только на изоленте и держатся, и... Конечно, ты наверняка другую захочешь найти – какую-нибудь цыпу из колледжа, которая летом ездит загорать на Кейп-Код, слушает Джеймса Тейлора⁴⁵ и стрижется не в местной «Суперкатс»...⁴⁶ но ты послушай меня, поверь на слово: девчонки лучше ее тебе не найти.

– Может, ты и права, – согласился Артур, – но ей-то, по-твоему, что – тоже никого лучше меня не найти?

– Вот уж нет, – отрезала Тана. – Уверена, Гвен себе запросто подыщет кого получше.

В этом Артур был полностью с ней согласен.

На время оба умолкли, вслушиваясь в шум дождя. Наконец Артур отыскал в полутьме руку Таны. Даже костяшки ее пальцев поцеловал. Тана рассмеялась.

– Хочешь верь, хочешь нет, Артур, любовник из тебя не совсем уж хреновый, – сказала она.

Артур в свою очередь рассмеялся тоже.

– Будешь ту пиццу? Может, еще не остыла.

– О'кей, – согласилась Тана, – самое время перекусить.

Поднявшись, Артур обернулся, взглянул на нее. Тени дождевых капелек стекали с ее обнаженного живота, и с грудок, и со щеки. Повернувшись к нему лицом, Тана казалась старше, чем есть, обрела усталую красоту издерганной жизнью женщины лет двадцати пяти. Только сейчас он заметил, что Тана красива, несмотря на веснушки и утомленный взгляд.

– Эй, Артур, а ведь ты мог бы облегчить нам обоим жизнь и замочить сестру сам, – проговорила она, рассеянно глядя в потолок, любуясь тенями, текущими по штукатурке. – По-моему, об этом помозговать стоит.

⁴⁴ Имеется в виду традиционная игра, анонимный обмен рождественскими подарками.

⁴⁵ Певец, исполнитель собственных песен в стиле рок, фолк-рок, блюз и т. д., весьма популярный в США 1970-х.

⁴⁶ Общеамериканская сеть дешевых парикмахерских.

Глава 14

На второй неделе ноября Артур вынес из библиотеки трактат о судостроении 1765 года, в переплете телячьей кожи, отпечатанный на тряпичной бумаге, ценой около двух косарей. В Германии студенты колледжей тащили кувалды к Берлинской стене, взбирались на ее руины, махали флагами, вскидывали над головами сжатые кулаки. Коммунизм в Восточной Германии схлопнулся, рухнул, однако Артур его падения, потрясшего целый мир, практически не заметил.

Под конец третьей недели он снял было с полки первое, 1883 года, издание «Франкенштейна», книгу настолько редкую, настолько ценную, что ее стоимость могла бы покрыть не меньше трети от затребованной Джейн Найсуондер суммы. Но стоило ему сунуть книгу в рюкзак, голова странным образом закружилась, к горлу подступила волна тошноты, сердце заныло, дрогнуло. Такая ценность... Нет, это слишком! Не сумев пересилить себя, он вернул «Франкенштейна» на место, а взамен сдернул с полки первое издание «Всех этих юношей печальных»⁴⁷ Фицджеральда.

Подумывал он, не стащить ли книг на шестьдесят тысяч долларов в один прием, но Гвен отсоветовала.

– Скажи им, что сразу так много брать нельзя. Скажи, что рядом всегда есть еще кто-нибудь из студентов, а из-за этого приходится остерегаться. Приноси по паре книжек, не больше – одна ценой в тысячу, другая в две.

– Но я же смог бы выплатить долг уже ко Дню благодарения.

– И что, по-твоему, произойдет дальше? – саркастически осведомилась Гвен. – Думаешь, они пожмут тебе руку, скажут, что вести с тобой дела – одно удовольствие, и больше ты их не увидишь? Думаешь, эти типы из тех, кому надоедают легкие деньги?

На выходных перед Днем благодарения Артур поехал в «Блэк Крикет», навестить мать. Скрепя сердце, ждал он встречи с Найсуондерами – в тот вечер на праздничный ужин в компании отбывавших срока родственников собралось больше полутора сотен посетителей, однако Найсуондеров среди них не оказалось.

Фуршет устроили в тюремном спортзале: чуть теплая индюшатиная с бурой, на глазах застывающей, будто желе, подливой и бататовая запеканка под полудюймовым слоем подрумяненного зефира. Для семей в зале расставили складные столики, приличия ради накрытые скатертями в красно-белую клетку, а на столиках разложили белые карточки с указаниями, кому где сидеть. Свой столик Артур отыскал без труда, но матери нигде поблизости не оказалось. Занервничав, он совсем было собрался подойти к кому-нибудь из надзирателей и спросить, не задержали ли ее, не лишили ли свидания по какой-то причине, но тут Эрин поднялась на невысокий помост у дальней стены зала, одетая в обычный тюремный комбинезон, но с пасторской столой, накинутой на плечи. Ей выпало прочесть благодарственную молитву перед трапезой. Едва она улыбнулась собравшимся, Артуру показалось, будто он повернулся лицом к первым теплым лучам весеннего солнца.

– Ну, разве нам с вами не повезло? – заговорила она.

По залу волной прокатился смех: собравшиеся приехали навестить родных и любимых, отсидивших кто по десятке за поджог, кто по двадцать лет за перевозку наркотиков, а кто и по тридцать лет за убийство.

– Большинство дам в этом зале не рассчитывали прожить так долго. Большинство наших родных также готовились расстаться с нами гораздо раньше. Многие из нас отдали бы что угодно, только б не совершать совершенного, забрать сделанное назад, и тем не менее наши

⁴⁷ Этот сборник рассказов Ф. С. Фицджеральда также издавался на русском языке под названием «Все печальные юноши».

гости нас любят и сегодня здесь, с нами... пусть даже пережили по нашей милости множество горя... и вы уж поверьте, девчата, это еще не все. Кто не пробовал индейки из тюремного кафетерия, тому горе неведомо.

На сей раз смех загремел повсю. Что-что, а подыскивать слова, необходимые окружающим, матери Артура всегда удавалось великолепно.

– Чтобы почувствовать себя за решеткой, вовсе не обязательно попадать в тюрьму. Чтобы почувствовать, будто отбываешь пожизненное, вовсе не требуется приговора. Многие из нас не были свободными и вне стен тюрьмы. Мы и на воле уже отбывали срок, срок самого худшего сорта, запертые в одной камере с собственной совестью, пока творили то, за что сами себя ненавидели. Карцером-одиночкой может стать и собственная голова. Однако сейчас мы с вами здесь, сегодня День благодарения, а те, кого мы любим, с нами – вместе с нами отбывают сроки. Вместе с нами считают дни. Их любовь и есть наше УДО. Так склоним же головы, скажем спасибо за них, спасибо за наше счастье. Нас любят, а посему свобода вовсе не обязательно заканчивается в тюрьме... возможно, здесь-то она и начинается. Аминь. Благослови вас Господь.

К тому времени, как мать сошла с помоста, Артур уже давненько моргал, жмурился, изо всех сил сдерживая слезы.

«Ох, мама, – подумал он, – лично мне никакого условно-досрочного не видать. Я признан виновным в том, что оказался беспомощным трусом и полным дерьмом, а надзиратель мой – Джейн Найсуондер».

Пододошедшая к столику мать легонько коснулась пальцем его щеки, смахивая непрошеную слезу.

– Проклятие, – заговорила она, пытаясь обратить дело в шутку, – я знала, что проповедую неплохо, но чтоб настолько!.. Что с тобой?

Последние слова матери прозвучали так мягко, что Артур едва не решился рассказать ей обо всем. Но если не смолчит он, мать не смолчит тоже, и что тогда? В самом лучшем случае ее поместят под защиту, а после полиция повяжет Джейн с Ронни... и Тану. Малыш Таны родится в тюремной больнице, и после его рождения она больше не обнимет, не увидит своего ребенка никогда. Никогда.

И это лишь при условии, что все выйдет в точности как надо. Если что-то пойдет вкривь, мать заколют насмерть в прогулочном дворике, а младенца у Таны отнимут все равно. Нет. Теперь в заключении он, и воровать ему книги, пока не поймают, либо Эрин, добившись условно-досрочного, не освободит их обоих.

С этими мыслями Артур небрежно утер глаза тыльной стороной ладони.

– Погляди вокруг, ма, – ответил он, указывая на прослезившихся родственников и онемевших от волнения заключенных за соседними столиками. – Ты ж их просто убила. Устроила здесь массовую резню. Надо бы кому-нибудь копов вызвать.

Глава 15

В последнюю пятницу перед рождественскими каникулами Артур вытащил из Сокровищницы первое издание «Свидания в Самарре» Джона О'Хары с автографом автора. Не самая дорогая из украденных им книг... однако, сунув ее в сумку с наплечным ремнем, Артур понял, что эта книга важнее всех прочих, вынесенных им из библиотеки до сих пор. Еще немного, и он кое-что узнает. Получит ответ на некий вопрос. Особых сомнений насчет характера ответа он уже не испытывал, но от тревожных предчувствий, от нервных спазмов в желудке это, увы, не спасало.

Вернувшись к себе на квартиру, он позвонил в «Заткнись и Жри», чтобы договориться о встрече с Джейн.

– Мне нужно повидаться с твоей сестрой, – сказал он Тана, поднявшей трубку. – Как насчет завтра?

– Ага, почему бы и нет. Заезжай около четырех. Если она не сможет, я перезвоню. У тебя все? Мне еще пиццу развезить.

– Да, все. Зачем заставлять людей ждать, попусту тратя лучшую часть дня?

– Ха. Ты небось думаешь, будто я всем им даю, – буркнула Тана и повесила трубку.

Ничего подобного Артур, конечно, не думал. С того единственного раза, как они трахнулись, Тана заезжала за добычей еще трижды, но с Артуром больше не оставалась – даже в дом не входила. Попросту забирала книги и уезжала.

Жалея о том случае, Артур никак не мог забыть о нем, а главное, о желании проделать все то же самое снова. Раз за разом вспоминал ее негромкий, усталый смех в тот момент, когда грубо сдернул с нее джинсы. Раз за разом вспоминал ее дразнящий шепот: «О-о, большущий какой, давай, давай, засади мне по самые помидоры, представь, что я – твоя малышка Гвенни», – и всякий раз возбуждался, но в то же время сторал от стыда. В тот вечер ему показалось, что он, терроризируемый вот уж который месяц, заслуживает чего-нибудь для себя, что он вправе оттрахать Тану Найсуондер... но в глубине души уже тогда понимал: нет, этого делать нельзя, это намного, на порядок хуже краж книг из библиотеки. Джейн с радостью предлагала сестру деловым партнерам, причем так же непринужденно, как угощала бы гостя пивом. Все эти люди становились для Джейн орудиями издевательства над сестрой, и теперь он, Артур, тоже один из них. Сумеет ли Тана простить его, неизвестно, да и какая разница – ведь сам себя он уж точно не простит никогда... а самое худшее, если Тана опять явится к нему в дом и предложит себя, ему вряд ли достанет твердости сказать «нет».

К «Заткнись и Жри» Артур подъехал в сумерках. Джейн уже ждала его на стоянке позади пиццерии, сидя на капоте «Эль Ранчero». Развалившийся на пассажирском сиденье Ронни, распахнув настежь дверцу, дымил косяком.

– Я те че говорила насчет всякого грошового барахла? – процедила Джейн, окинув холодным взглядом «Свидание в Самарре». – На вид – фуфел голимый. Лежала бы на дворовой распродаже в ящике «Квorter⁴⁸ за штуку», я бы на нее даже поглядела.

– Ты-то уж точно. А вот твою покупательницу, если, конечно, она Твена от Толкина в состоянии отличить, как бы при виде этого «фуфела» удар не хватил. Первое издание от «Харкорт и Брэйс», состояние идеальное... найдешь экземпляр дешевле семи с половиной тысяч, считай, повезло.

Джейн перебросила томик в твердой обложке Ронни.

– Это про что? – окинув книгу невидящим взглядом, полюбопытствовал Ронни.

– Про одного типа, не сумевшего уйти от судьбы, – ответил Артур.

⁴⁸ Монета достоинством в 25 центов США.

– То есть по сути твои мемуары, – заметила Джейн.

– Ошибаешься, – возразил Артур. – Я подсчитал. Ты говорила, тебе нужно шестьдесят тысяч долларов. Украденное вместе с О’Харой стоит общим счетом около шестидесяти пяти. Выходит, на этом все. Верно?

– Нет, – возразила Джейн, с сочувственным взглядом покачав головой. – Может, на «белом», свободном рынке твоя добыча и стоит шестьдесят пять косых. Однако барыжить краденным – дело совсем другое. Тут цену по максимуму не заломить. Вот эта, говоришь, семь с половиной тысяч стоит? Ну, так я за нее от силы два косаря получу.

– Два косаря?! – вскричал Артур. Он ожидал, что Джейн начнет водить его за нос, мысленно приготовился к этому, собрался с духом, но возмущение все равно пронзило его насквозь. – Два, мать твою, косаря?!

– Знаю, знаю, – кивнула Джейн, – грабеж среди бела дня, так? Но ты прикинь: ей ведь тоже за полную цену их не продать. Горячи чересчур. Приходится втихаря, по личным каналам, большей частью за границу. Длинная такая цепочка – сплошное жулье, и каждый на предыдущем наваривается. Да, кстати. К слову о нашей старой бостонской книжной крысе: ей одну конкретную книжку хочется заиметь. Двадцать кусков за нее отвалить обещает. В следующий раз принеси и можешь мою сестрицу в жопу отыметь.

Артуру сделалось худо.

– Не путай сестру в это дело, – пробормотал он.

Джейн осклабилась:

– Поздновато про рыцарство вспомнил, король Артур.

«Рыцарство»... Артуру бы и в голову не пришло, что ей известно такое слово!

«Однако, если она так тупа, а ты такой умный, почему не ты ею командуешь? – тут же подумал он. – Одна только Гвен и оценивает ее по достоинству, потому что единственная не поспешила с ходу записать Джейн в тупое быдло из “местных”. Как же тебя угораздило стать таким же, Артур? Как тебя угораздило стать одним из рэкхемских мудаков, всезнайкой, ничего не смыслящим в жизни?»

– Что за книга? – спросил он, хотя в глубине души уже знал ответ.

– Названия точно не помню, – призналась Джейн. – Книжку в коже.

– Нет.

– По-моему, – словно не слыша его, продолжила Джейн, – написал ее какой-то шизик во времена, когда ведьм судили. Его еще повесили за какие-то преступления, а потом его записки в его же кожу, мать их, переплели.

– Этой книге цены нет. На всю Новую Англию таких книг, образчиков антроподермической библиопегии, насчитывается ровно пять штук, и...

Ронни прыснул со смеху так, что из уголков его рта клубами повалил дым.

– Че за херню ты сейчас сказал? Андропо-дермическая библио... как? На слух – будто пакость какая-то, от шлюхи за десятку подцепленная!

Джейн снова отрицательно покачала головой:

– Неправильно понимаешь, Арти. Не бывает бесценных книг. Твоя мать – вот она точно цены не имеет. О ней и думай.

– Не могу я взять эту книгу, – забормотал Артур. – Ее под замком держат.

– Но ключ тебе, уверена, доверяют, – непреклонно заметила Джейн.

– Ага, доверяют. И одному только мне. И потому, как только заметят пропажу, сразу поймут, что взял ее я. Больше никому.

– А ты на соседа свали, – посоветовала Джейн. – Он дурь курит. Скажи, это он ключ у тебя стянул и украл ту книгу: дурь-то – она денег стоит. Подставить его – не вопрос. Сопри еще пару книг да спрячь в его комнате.

– Он мне друг, – возразил Артур.

– Друзья – дело хорошее. Однако алиби лучше.

– Я теперь целый месяц вообще ничего приносить не смогу. Библиотеку вот-вот закроют на рождественские каникулы. Учеба начнется только с пятнадцатого января. Вот тогда я тебе еще что-нибудь и принесу. Не эту... о дневнике Крейна забудь... но натаскать кучу книг, стоящих серьезных денег, смогу.

Джейн, склонив набок голову, окинула его изучающим взглядом, а затем отвернулась и выпустила в сторону, словно табачный дым, длинную, зыбкую струю белесого пара.

– Ага. О'кей, Арти. Честно говоря, я чувствую то же самое. Всего-то пять минут поболтала с тобой – и месяц бы твоей жалкой черной морды не видела.

Услышанному Артур нисколько не удивился. Удивлялся он только тому, что не услышал чего-то подобного гораздо раньше. На человека, способного пройти мимо очевидной мишени для расистских нападок, Джейн не походила ничуть... и все-таки поле его зрения словно бы чуточку сузилось, потемнело, затуманилось по краям.

– Ну, вот. Вот и до этого дело дошло, – равнодушно, холодно заметил он.

Джейн соскользнула с капота «Ранчero».

– Когда увидимся снова – скажем, в конце января, книгу эту, смотри, не забудь принести, – бросила она через плечо по пути к водительской дверце.

Ронни втянул ноги в салон.

– И чтоб без гнилых отмазок. Моя партнерша из Бостона очень хочет ее занять и обещала заплатить мне по максимуму. Считай, это для тебя собственное «Свидание в Самаре». Такие свидания пропускать не годится, верно я говорю?

Артур не ответил ни слова. Джейн, усевшись за руль, захлопнула дверцу, и машина сорвалась с места.

Почувствовав легкое влажное прикосновение к щеке, Артур вначале подумал, что плачет, но это оказалась всего лишь снежинка. К тому времени, как он вышел на улицу, снег повалил всю и не унимался целых три дня подряд.

Глава 16

Спал Артур скверно, как никогда в жизни, урывками погружаясь в дремоту и наконец проснувшись с ощущением, будто вот-вот сварится в собственной коже. Сбросив с себя одеяла, он задремал вновь, но вскоре опять проснулся, охваченный дрожью, в холодном кислом поту.

Снилось ему, будто он помогает Гвен составлять заявку на поступление в колледж, которую почему-то требовалось подавать на полоске человеческой кожи, причем с красной каймой. Личные данные поступающей полагалось вытатуировать, но стоило Артуру прикоснуться к этой кожаной ленточке острием иглы, ленточка встрепенулась, сморщилась, зашевелилась, стараясь уползти прочь. Раз за разом он, вздрагивая, просыпался, но вскоре снова соскальзывал в дрему, а там его неизменно поджидал тот же сон, продолжавшийся с того же самого места, где оборвался. Снился ему этот хренов сон всю ночь напролет.

Под утро, в пять с небольшим, Артур сдался. Мир снаружи сделался тусклым, ватным, с неба громадными мокрыми комьями валил снег. Одевшись в три слоя, Артур побрел прогуляться. Казалось, у него жар, да такой, что снег, попадая в лицо, наверняка зашипит, будто плевков на плите.

В последнюю неделю перед каникулами библиотека Брукса работала круглосуточно, но около шести утра других студентов там оказалось всего двое-трое, плюс единственный дежурный из студентов-библиотекарей. Запрашивать допуск в особый фонд Артур не стал. Сегодня он впервые за многие месяцы явился в библиотеку, не замышляя кражи.

Около часа просидел он в кабинке для индивидуальной работы с чашкой чая из студенческого культурного центра и свежайшей, 1982 года, редакцией уставов колледжа Рэкхема. Пролистав без малого три сотни скверно отксеренных страниц в папке-скоросшивателе с тремя кольцами, он, наконец, нашел, что искал, – недавно возникшие подозрения оправдались вполне. Почтенный гуманитарный колледж на Северо-Востоке, одним из первых поддержавший отмену рабства и предоставление женщинам избирательных прав... ну, разумеется, как же без этого!

Стоило Артуру найти искомое, лихорадочный жар унялся, сменившись усталостью, ломотой в теле... но радости все это несколько не ослабляло.

Ближе к вечеру он завел «христомобиль», включил фары – в четыре часа пополудни уже темнело – и покатил в Гоган.

Небольшой городишко, Гоган находился совсем рядом, однако местных дорог Артур не знал и в скором времени заблудился. В телефонной книге семейство Плебс значилось, и примерный адрес их он нашел на грубой зернистой карте, предупредительно отпечатанной в конце «Желтых страниц». Однако из-за метели и темноты заблудиться ничего не стоило – тем более что, свернув с главной улицы Гогана, Артур оказался в затейливом лабиринте извилистых узких улочек. Гнать сквозь такой снегопад быстрее пятнадцати миль в час он не отваживался. Помчавшаяся за его машиной стая из трех собак с заполошным лаем провожала его без малого два квартала. Да, Гоган – это вам определенно не Подомаквасси...

Наконец, почувствовав, что цель близка, он сбавил ход и покатил мимо продолговатого крутого холма позади заброшенной кирпичной фабрики. Ребятишки, катавшиеся с холма на пластмассовых санках, с гиканьем, с визгом мчались вниз, вдоль склона почти в четверть мили длиной, заканчивавшегося посреди груды проржавевших остовов автомашин. Все это казалось прекрасным способом, влетев с разгону в залежи металлолома, подхватить столбняк, но Артур рассудил, что кто-нибудь из родителей, стоящих на вершине холма, возможно, сумеет объяснить, где отыскать Плебсов. На холме обнаружилась посыпанная щебенкой стоянка и даже несколько автомобилей, освещавших фарами санную колею. Подъехав ближе, Артур, к немалому собственному удивлению, углядел среди них снегоочиститель с эмблемой Рэкхема на

водительской дверце и янтарно-рыжим предупредительным маячком, вращающимся над крышей кабины. Подыскав себе место, он остановил машину и выбрался наружу.

– Артур! – завопила Гвен, вскинув над головой санки из красной пластмассы. – Как тебя сюда занесло? Искал, где бы дурью разжиться, да сбился с пути?

– Гвен Плебс! – одернула ее мать. – По-моему, это ты сбилась с пути, совершенно утратив понятия о приличиях.

Однако Гвен не обратила на замечание матери никакого внимания. В «дутой» зимней парке с квадратным капюшоном и в зимних штанах миссис Плебс ужасно походила на фигурку из набора «Лего». С ней Артур встречался в Терновниках почти каждый день, когда она раз за разом приносила собравшимся какао, и лимонно-кокосовые торты, и пироги с персиково-клубничной начинкой, но только сейчас сообразил, что понятия не имеет, как ее зовут. Имя отца Гвен, Мартина, он выяснил, отыскав его среди прочих садовников из хозяйственного управления, в самом конце перечня рэкхемского персонала.

Старик Гвен пожал Артуру руку. Карие глаза его воспалились, в усталом взгляде чувствовалась тревога.

– Рад знакомству, мистер Плебс, – сказал Артур.

– Угу, – промычал отец Гвен, как выяснилось позже, проявив изрядную велеречивость.

– А остальные где? – спросила миссис Плебс.

– Сегодня я тут один.

– Приехал полюбоваться, как я сверну шею? – осведомилась мать Гвен. – Прости, не дожدهшься.

– Не желает проехаться, – пожаловалась Гвен. – Говорит, санки – забава детская, но на самом деле имеет в виду, что веселиться вообще положено только детям. Умора, верно? Давай, мам! Прокатимся вместе. Только представь: от скорости дух захватывает, снег, тьма по бокам!..

Миссис Плебс бросила взгляд вниз.

– Мне лично представляется упадок духа и тьма-тьмущая больничных счетов, которых нам не оплатить. Нет, Гвенни, от веселья я не отказываюсь, однако давно смирилась с тем, что уже не девчонка весом в сто десять фунтов, сделанная из резины. Езжай сама, а я здесь постою, с аптечкой наготове.

– Давай я с тобой прокачусь, Гвен, – вызвался Артур.

Повернутое к нему, лицо Гвен засияло от радости пополам с удивлением. При виде такого внезапного, нескрываемого удовольствия Артура вновь обожгло стыдом. Не заслуживал он таких зрелищ – вида настолько радостных лиц.

– Садись, – велела Гвен, бросив дешевые пластмассовые сани на снег и устраиваясь впереди. – Будешь большой ложкой.

Усевшись за ней, Артур пристроил ноги по бокам от ее талии и согнул колени.

– Здесь кто-нибудь уже расшибался?

– Куча народу! Скотт Карсон из нашей школы в девять лет задел рукой диск от чьей-то циркулярки, присыпанный снегом. Двух пальцев как не бывало. Поэтому помни: на ходу руки в стороны не растопыривай. Опрокинемся, постарайся упасть на меня. Хоть пощупает кто-нибудь перед смертью. Готов, старина?

– Как никогда, старушка, – подтвердил Артур, задрав голову и бросив взгляд через ее плечо. – Темнотища... Как ты разглядишь, куда нас несет?

Гвен подалась назад, прижалась к нему спиной, а голову пристроила на груди.

– Разве мы всегда можем разглядеть, куда нас несет?

Артур уперся кулаками в снег, оттолкнулся... фут, еще фут, но тут мистер Плебс наклонился, подхватил санки сзади и отправил навстречу ночной темноте. Не прошло и десяти секунд, а оба, вопя во все горло, уже мчались вниз со скоростью тридцать миль в час.

У подножия холма сани замедлили ход и со скрежетом остановились среди россыпей ржавого железа. Какое-то время оба сидели в санках, наблюдая, как следом с истошными, не смолкающими до самого конца воплями, порой вываливаясь из саней, продолжающих путь как ни в чем не бывало, несутся ракетами ребятишки вдвое младше их. Наконец они поднялись на ноги, Артур взялся за привязанную к передку санок веревку и следом за Гвен побрел вверх.

– Напоследок нас так встряхнуло, что я подумал, будто сейчас случайно лишу тебя девственности, – сказал он.

– Ха-ха, – откликнулась Гвен. – Скорее я бы тебя случайно девственности лишила.

Артур вспомнил о Тане, и на душе у него сделалось – гаже некуда. Пришлось поглубже вдохнуть очищающий холодный воздух, перевести дух и постараться забыть о муках совести хотя бы на время.

– Как дела с заявкой на поступление? – спросил он, толкнув Гвен плечом в плечо.

Гвен покосилась на него и тут же отвела взгляд.

– Отшлифована и закончена. Кеннебек, Хассон, Университет Южного Мэна.

– То есть не Рэкхем?

– Нет, Артур, – будто с трудом сдерживая раздражение, ответила Гвен. – Колледж Рэкхема стоит пятьдесят тысяч долларов в год. Больше годового оклада отца, а на стипендию мои оценки не потянут, сам знаешь.

– Не потянут. Но если кто-то из твоих родителей служит в колледже, ты имеешь право на один из трех разных графиков платежей, причем по значительно сниженным ставкам.

– Так мой отец не преподает. Дорожки чистит. А летом водит садовый трактор.

– Неважно.

– Кто тебе сказал?

– Так говорится в уставах колледжа. Если хочешь взглянуть, у меня с собой, в машине, фотокопии соответствующих пунктов.

Гвен призадумалась и с сомнением пожала плечами:

– По-моему, все равно оценки не те. Как я с испанским билась, ты не поверишь... По испанскому третьего уровня – хорошо, если на Си с минусом натяну.

– С испанским я тебе помогу, если что. Вдобавок одна оценка значит не так уж много. Особенно когда у тебя за плечами пять лет волонтерства в «Старших сестрах Америки».

– Я волонтерствовала там не для того, чтоб понравиться приемной комиссии Рэкхема, – с заметным жаром возразила Гвен.

– Знаю, знаю, но во внимание твоё волонтерство все равно примут.

– Да не берут туда «местных».

– Слушай, заканчивай ты с этой чушью насчет детишек из колледжа против тех, кто им полы моет! – неожиданно для обоих вспылil Артур. – Послушать тебя – вылитая Джейн Найсуондер. Главное дело, у тебя есть что стоит развивать: ты же сообразительнее нас всех, вместе взятых. Попробуй хотя бы, а? Ну? Много ли у меня шансов тебя уломать?

– Примерно столько же, сколько уломать мою маму скатиться на санках с этого вот холма.

– Понятно, – пробормотал Артур и ускорил шаг.

– Артур? – окликнула его Гвен, поспешив за ним следом.

Но Артур молчал, пока оба не поднялись на вершину холма. По пути они здорово запыхались, чуть впереди каждого обильно клубился пар изо рта.

– Миссис Плебс, – заговорил Артур, – не прокатитесь ли и вы со мной хоть разок? Я постараюсь ни во что не врезаться: заражаться гепатитом нам с вами совсем ни к чему.

– Артур Оукс, ты сколько сегодня выпил?

– Я трезв как стеклышко, миссис Плебс. И более того: от вашего согласия проехаться со мной на санках с этого вот холма зависит будущее – счастливое будущее вашей дочери.

– У тебя хоть капля совести есть? – возмутилась Гвен.

– Ни единой, – заверил ее Артур. – Ну как, миссис Плебс? Ручаюсь: вы останетесь целой и невредимой.

Миссис Плебс, склонив голову набок, смерила его пристальным, изучающим взглядом.

– О себе я не волнуюсь. Главное дело, не втравишь ли ты в беду мою Гвен?

Вспомнив о Тане, Артур сглотнул подступившую к горлу рвоту пополам с горькой желчью.

– Ни в коем случае.

Миссис Плебс вновь смерила его долгим взглядом и сдержанно, еле заметно улыbnулась.

– Артур, – заговорила Гвен, – к твоему сведению, ты – мерзавец законченный, так и знай.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – вздохнула миссис Плебс и, усевшись в санки, оглянулась на мужа: – Мартин, если я не вернусь, видеокассеты на столике у телевизора надо отнести в магазин на углу. Хватит с нас штрафов за просрочку возврата. На ужин макароны с сыром из морозилки достаньте.

– Угу, – ответил Мартин и, как только Артур уселся за спиной миссис Плебс, с разбегу толкнул санки навстречу ночи.

Казалось, оба рухнули в бездну с самого края мира. Миссис Плебс завизжала, стиснула руку Артура изо всех сил. Визжала она так громко, что за ее визгом Артуру едва удалось слышать хохот Гвен за спиной.

Глава 17

Ван с Донной улетели домой, на «сковородник»⁴⁹, в пятницу перед Рождеством. Элли отправилась в Техас еще раньше, в середине недели, сразу же после того, как сдала последний итоговый.

– С тобой хоть кто-нибудь Рождество праздновать собирается? – полюбопытствовала она.

Любившая Рождество, Элли весь месяц носила рождественские свитера, а на репетиции хора в церкви при кампусе ходила как на работу, и Артур ясно видел: мысль о том, что он проведет праздник наедине с самим собой, в съемной квартире за пределами кампуса, ее ужасает.

– Рождество он встретит со мной, – объявил Колин, обнимая Артура за плечи. – Выпьем старейшего виски, какой только найдется у деда, и я надеру ему задницу в шахматы.

– Прежде чем я начну тебе проигрывать, выпить придется немало, – парировал Артур.

Грудь изнутри обдало теплом радости, жарким, словно он уже сделал первый глоток скотча. В эту минуту Артур впервые узнал, что рождественским утром его ждут в Терновниках, впервые узнал, что впереди его ожидает нечто приятное.

В Рождественский сочельник он собирался навестить мать, а больше никаких твердых планов у него не имелось. Ранним утром двадцать четвертого Артур завел «христомобиль» и отправился в «Блэк Крикет». Обогреватель заднего стекла работал на пределе, но с лютым морозом не справлялся. Едущий позади «Эль Ранчero» Артур заметил только на полдороге, после чего то и дело против собственной воли поглядывал на него в зеркало заднего вида.

«Ранчero» вкатился на свободное место, пока Артур шел к входу для посетителей. Ожидая, что Джейн с Ронни выйдут наружу, он оглянулся, но дверцы пикапа не распахнулись, а синеватые отблески солнца, отразившегося в лобовом стекле, не позволяли разглядеть, что происходит внутри.

Нога за ногу войдя в холл, он подошел к окошку дежурного.

– Сегодня не выйдет, парень, – сообщила ему дежурная надзирательница из-за окошка. – Жаль, конечно, что так оно получилось, но твоя мать с утра в штрафном изоляторе. Драка в кафетерии...

– Чтoб мать... в драку ввязалась? – не поверил своим ушам Артур. – Моя мать – пацифистка!

– О как. Тогда за что ж она тут? За перебор с пацифизмом?

Перед мысленным взором Артура вмиг возникла картина: крупный план, чья-то рука с заточкой, вонзающейся в поясницу матери раз, другой, третий – «хлюп, хлюп, хлюп»...

– Как она? Не пострадала?

– Если б пострадала, так не в изолятор, в больницу попала бы.

Собрав волю в кулак, Артур заставил себя забыть о воображаемой поножовщине в кафетерии.

– Мэм, я ехал сюда три часа, чтобы с ней повидаться. Завтра ведь Рождество.

– Вижу. Все понимаю. Сама на твоём месте горевала бы жутко, – с искренним сочувствием ответила надзирательница. – Но инцидент за завтраком с твоей мамкой в самой середке, да еще запрещенный предмет, обнаруженный при обыске в ее камере...

– Какой еще запрещенный предмет? – ахнул Артур.

– Таких сведений мне разглашать не положено.

– Прошу вас... что за запрещенный предмет?

Надзирательница стукнула о край стола папкой-планшетом.

– Ложка с заточенным, как клинок, черенком.

⁴⁹ Здесь – шуточное название северо-западной части штата Флорида.

Рот Артура наполнился горечью, словно его угораздило впиться зубами в медную проволоку.

– Я тебе так скажу, – продолжила надзирательница. – Драка – это еще ладно. Драки – дело житейское. А вот заточка – уже штука серьезная. Наверняка на рассмотрении ходатайства об условно-досрочном всплывет. Жаль ее, твою мать. Вправду жаль...

Надзирательница говорила что-то еще, но Артур, не дослушав ее до конца, развернулся кругом и направился к выходу. Лютый холод за плексигласовой дверью огнем обжег нос и щеки. В сотне футов от двери тархтел на холостом ходу «Эль Ранчero».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.